

Лихарев Н. И.

**ВОРОНОГРАЙ
РУССКИЙ САВОНАРОЛА**

РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Россия державная

Николай Лихарев

Воронограй. Русский Савонарола

«Алгоритм»

1905

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Лихарев Н. И.

Воронограй. Русский Савонарола / Н. И. Лихарев — «Алгоритм»,
1905 — (Россия державная)

ISBN 978-5-501-00184-8

Николай Иосифович Лихарев (1873–1908) – русский писатель начала XX в.; публиковался также под псевдонимом Н. Стрешнев. Судьба отпустила ему слишком мало времени, чтобы выдвинуться в первые ряды исторических романистов, но и за этот короткий срок у него вышло несколько интересных книг. Например, церковно-историческая хроника «Адский год, или Иезуиты в России», историческая повесть из быта Белоруссии XVII в. «Под гнетом унии», «Жидовское пленение» – исторические картины из быта Руси конца XV в. и некоторые другие. В этом томе представлены два исторических произведения Лихарева. Повесть «Воронограй» рассказывает о жизни великого князя Василия II Темного. Высланный в 1433 г. из Москвы захватившим великокняжеский престол его дядей, звенигородским князем Юрием Дмитриевичем, он обосновался в Коломне. В 1446 г. Василий был захвачен в Троице-Сергиевой лавре сыном Юрия, Дмитрием Шемякой, и ослеплен. В 1447 г. он собрал дружину, выступил в поход против овладевшего Москвой Дмитрия Шемяки и с большим трудом вернул себе московский трон... В повести «Русский Савонарола» рассказано о судьбе греческого монаха Максима, которого вывез с родины государь Василий Иоаннович, чтобы тот перевел церковные книги с греческого и латыни на русский язык.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00184-8

© Лихарев Н. И., 1905

© Алгоритм, 1905

Содержание

Воронограй	7
Глава I. Старая обида	7
Глава II. Быть худу!	14
Глава III. На пути в обитель	19
Глава IV. Что-то будет?	26
Глава V. Москва-сирота	30
Глава VI. Воронье налетало	38
Глава VII. Бунко	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Н. Лихарев
Воронограй. Русский Савонарола

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

* * *

Вороноград

Глава I. Старая обида

Совсем зарылся в снег городок Козельск. На дворе февраль, а снегу прибывает с каждым днем, словно весне и не бывать никогда. Давно уже не запомнят на московской земле такой снежной зимы!..

По улицам и переулкам Козельска намело сугробы с крышами вровень; недолго ранний день, а в избах и совсем его не видать, с утра до ночи стоят сумерки. Да и что с ним, со снегом, поделаешь? Настанет уж весна, уберет его без хлопот.

Пробивают себе горожане каждый день поутру тропку малую от ворот – и довольно. А на базар да в церковь, хоть и по пояс в снегу, а добраться можно. И сидят себе козельцы всю зиму в избах, словно медведи в берлогах...

Только в северной части города, у собора да вокруг княжих хором, снегу поменьше. От княжьего двора до церкви тропа расчищена широкая, а по самому двору пройти почти без опаски можно. И то уж княжеская челядь отмотала себе руки: сметут за день снег по двору в кучи, а наутро, глядишь, опять по пояс...

Вот и теперь без перерыва третьи сутки валит снег. Редкими, тяжелыми хлопьями падает он с сумрачного неба.

И сегодня, как всегда, с раннего утра выгнал княжеский ключник десятка полтора холопов расчищать обширный государев двор...

Лениво работает челядь. Старик ключник раза два уже выходил на двор и, больше по привычке, ругал челядинцев.

– Да вишь, валит-то как, дедушка Клим! Все одно к утру наметет по стрехи! – возражал ключнику высокий холоп, расчищавший снег у крыльца княжеских хором.

Ключник только махнул досадливо рукой и поплелся назад к себе в избу.

А снег все валит и валит...

В это пасмурное февральское утро, зимой 1446 года, в одной из горниц мужской половины княжеских хором сидели двое бояр.

Один из них, высокий, плотный мужчина с русой бородой, был хозяином дома, князем Иваном Андреевичем Можайским.

Князь Иван сидел за столом, покрытым тяжелой бархатной скатертью вишневого цвета. Поглаживая левой рукой свою пышную бороду, князь внимательно слушал своего собеседника.

Гость, закадычный друг-приятель и двоюродный брат хозяина, князь Дмитрий Юрьевич, сидел напротив и что-то горячо и страстно рассказывал. В черных глазах князя Дмитрия то и дело вспыхивал недобрый огонь; красивое смуглое лицо его было искажено досадой и гневом.

– Не холопы мы его, – отрывисто говорил он, – не в кабалу к нему поступили, чтоб чинить ему такие издевки над нами!.. Чем мы хуже его?! Государь-то и великий князь Дмитрий¹ и ему, и нам родным дедом доводится!.. По дедине-то всяк из нас стол московский занять может!..

Князь Иван досадливо передернул плечами:

– Знамо дело, не хуже!.. По дедине-то у всех у нас права одни!.. А у тебя, княже, и по отчине найдутся!.. Только мошна-то у нас с тобой, друже, не выдержит супротив Васильевой!..

Князь Дмитрий гневно ударил кулаком по столу.

¹ Донской.

– Грабители они – вот что! И отец, и мать среди белого дня словно на большой дороге людей обирали!.. Нехитро такими делами мощну набить!..

Хозяин усмехнулся.

– Да, нехитро!.. – повторил он последние слова Дмитрия. – А ты, видно, с братом не забыл еще свадьбы, все еще сердцем горишь?

Князь Дмитрий укоризненно посмотрел на хозяина.

– Тебе смешно, Иван, – с горечью произнес он, – а я вот что тебе скажу: умирать будем – ни брат Василий, ни я не простим той обиды!..

Он взволнованно поднялся со скамьи и несколько раз прошелся по горнице.

Но князь Иван своими словами вовсе не хотел посмеяться над другом. Улыбка давно сбежала с его лица, и он уже с нескрываемым участием следил за братом.

– Не сердчай, Митя! – тихо проговорил он, подходя к князю Дмитрию и кладя ему руку на плечо. – Без издевки ведь сказал я... Сам знаю, какова обида ваша была!..

Князь Дмитрий, не глядя на брата, хмуро махнул рукой:

– Да я не на тебя, князь! Знаю, нет в тебе злобы... Боле десяти годов с той поры прошло, а все помнится, будто вчера было! Как напечет кто – словно ножом в сердце ударит! Хоть пушай та обида брату, князю Василию, была, а срам-то роду всему нашему... И детям, и внукам прощать закажем!..

Дмитрий замолк и задумался. Задумался и князь Иван, глядя на своего друга.

– О ту пору с батюшкой покойным в Орде мы были, – прервал наконец молчание Можайский. – Воротясь, слышали мы от людей об обиде вашей. От тебя с братом не довелось...

– О ту пору немало языки чесали... Сорому мы с отцом на всю землю приняли!.. А что сами не говорили, так кому, друже, охота о своем позоре рассказывать!.. Ну, да коли к слову пришлось, расскажу! Больно сердце закипело, авось легче станет...

Князь Дмитрий и хозяин снова сели на свои места. На минуту Дмитрий замолк, собираясь с мыслями.

– Коли помнишь, княже, о ту пору, как затеяла тетка-княгиня Василия женить, лады и дружество между нами были... В первую голову нас с отцом тетка звать прислала... Отцу-то и нельзя было, да и не хотелось, а мы с братом Василием вдвоем поехали. До венца все честь честью шло. Нас с братом не обошли – не хочу говорить понапрасну! Василий тысяцким был, я – дружкой... Справили мы дело свое да и за пир. Тут-то и вышло все!.. Народу на свадьбу собралось видимо-невидимо, сам небось тетку знаешь – горда она! Ну и созвала со всех концов: не простая, дескать, свадьба, великокняжеская! Да... А сидели мы так: на положенном месте великий князь с молодой. Брат Василий – по левую руку государя, а я – супротив молодой. А со мной рядом Кошкин-боярин, Захарий... За стол засветло сели, а как подали третью перемену, стемнело совсем, огонь зажгли... Подали лебедей жареных, приспело, значит, время молодых вести... Встал брат Василий со своего места, обернул половину курицы ручником да и говорит с поклоном княгине-тетке: «Благослови, мол, молодых вести!..» Отвели молодых, вернулись за стол, а Кошкин и говорит Василию-брату: «Хороший у тебя пояс, князь Василий Юрьевич! Больно хорош!.. Видно, от деда, государя великого, достался тебе?» Спросил он это у брата, а сам в бороду ухмыляется. Зло меня взяло, понял я, к чему Кошкин клонит. А Василий спроста и хвати: «Нет, не от деда, государя великого, а за невестой взял!» Брат-то о ту пору обручен был с дочерью князя Владимира Андреевича. «Вишь ты, дело какое! – говорит боярин Кошкин, да так громко, на весь стол. – Видно, правду говорили люди добрые об этом поясе!» Сказал да и опять ухмыльнулся, а сам на княгиню-тетку посматривает... А та уж с самого начала уши наострила, как о деде, князе великом Дмитрие, Кошкин помянул. «Что ж о поясе люди говорят, боярин?» – спрашивает, а у самой глаза разгорелись. Все за столом притихли. «А вот что говорят, княгиня-матушка, – отвечает ей Кошкин, – говорят, будто пояс этот – другого такого

по всей земле не сыскать по богатству – в приданое шел за княжной Евдокией². Тысяцким о ту пору был Вельяминов, боярин Василий... Так вот, люди потом говорили, пояс-то Вельяминов скрал да другим подменил, а настоящий-то отдал сыну своему Николаю. Пояс-то и стал из рук в руки переходить, да только не в те, в которые надобно было!» Знали мы с братом Василием все это, да посуди, княже, сам, какое нам до того дело было?! Дал пояс Василию отец невестин – и делу конец! Сиж у меня на душе... Вижу – и Василий побелел как мука. Я и говорю: «Не знаю, что люди болтают, а только пояс наш!.. Не нашли, не утаили мы его: по рядной³ брату достался!» Посмотрела на нас на всех тетка-княгиня и говорит: «А в чьих же руках, боярин, должно поясу-то быть?» – «Рассуди сама, княгиня-матушка, – отвечает ей Кошкин, – по рядной великому князю Дмитрию он шел... Коли б не украден был, старшему сыну достался бы, великому князю, покойному Василию Дмитриевичу... А от Василия Дмитриевича кому же, как не князю великому, старшему сыну, Василию Васильевичу поясом владеть?!»

Князь Дмитрий на минуту прервал свой рассказ. Лицо его было искажено волнением и злобой. Судорожным движением руки он расстегнул шитый ворот своей алой рубахи; несколько мелких жемчужин скатились по его кафтану на пол...

– Тут-то, друже, и начался позор наш... Княгиню-тетку от жадности перекосило всю. Встала она молча из-за стола, подошла к брату Василию да и говорит: «Покажь-ка пояс-то, племянничек любезный, плоха я на глаза-то стала!» Вижу, Василий дрожит весь, я ему глазами этак показываю: не снимай, мол!.. А тетка опять: «Не ломайся, племянничек дорогой, не сымешь сам – силком велю снять!» Не выдержал я, вскочил с места да и стал рядом с братом Василием. «Как так, – говорю, – тетушка, силком велишь снять? Украли мы, что ли, его у тебя?! Не снимай, Василий!» – говорю я брату. А княгиня-тетка словно взбеленилась. «Воры вы! – кричит. – Оба воры, и отец ваш вор был, да и невестин отец вор! Воровская и честь вам!.. Снять, – кричит, – пояс с него! Сыну моему владеть им по праву!» Поднялась, друже, свалка... Все на нас с братом... Сняли пояс с Василия, а нас на двор вытолкали... Господи! Сраму-то, сраму-то что было!..

Князь Дмитрий умолк и в отчаянии схватился руками за кудрявую голову. Видно было, что он наяву переживал весь позор той минуты.

– Хоть и велик срам-то был, а все же то было дело семейное, свое, домашнее... – задумчиво проговорил князь Иван. – Ноне на все земли и царства великий князь московский позор принял!.. Неужто так-таки и отдаст он Москву татарве?!

– Чего не отдать, коли, почитай, отдал уже! Сотен пять царевичей всяких да мурз из Орды привел с собой!.. – махнул рукой Дмитрий. – Отчину и дедину свою, наследие великого князя Дмитрия, отдать! Какой же он великий князь московский после того? Холоп он татарский, и больше ничего! – с горечью добавил Дмитрий.

Два дня назад князь Дмитрий Шемяка неожиданно приехал в Козельск. Незадолго перед этим великий князь московский только что вернулся из татарского плена. Хан Улу-Махмет освободил его за громадный выкуп. Деньгами заплатил великий князь больше двухсот тысяч рублей татарам. С великим князем из Орды приехало много знатных татар. Шла упорная молва, что, кроме денег, великий князь отдал татарам все московское княжество, а себе, говорили, оставлял только Тверь.

Такие темные и недобрые вести привез из Москвы Шемяка князю Можайскому.

И они вместе думали и толковали теперь, как спасти от позора Русскую землю...

– Неужто для того дед наш весь свой век бился с татарвой, чтоб внук охотой ярмо опять на себя надел?! – говорил Можайский. – Будто, кроме Василия, нет и других наследников!..

² Жена великого князя Дмитрия Донского, дочь суздальского князя Дмитрия Константиновича.

³ Рядная – список приданого.

– Знамо, посовестливее Василия найдутся! – подхватил Дмитрий, и в его темных глазах промелькнула насмешка. – Взять хоть бы тебя, княже, с братом...

– Ну, куда уж нам! – совершенно искренне отозвался Можайский, не заметив иронии. – Тебя с братом – другое дело... И по отчине вам выходит!.. Особливо тебе! Всем взял: и умом, и дородством!..

Хозяин говорил то, что думал. В его словах не было ни лести, ни заискивания. Князь Дмитрий прекрасно знал это, и если говорил иначе, то только из вежливости... Про себя же он был твердо убежден, что коли уж садиться кому на московский стол, то только ему, Дмитрию.

Пока между гостем и хозяином шла эта беседа, через северные рогатки по Московской дороге в город въехало двое саней. Каждые были запряжены в две лошади, гусем; задние сани были, однако, наряднее. В них сидел только один путник, закутанный с головой в тяжелую меховую шубу; в передних – простых розвальнях – ехали четверо; трое были одеты в обыкновенные нагольные тулупы, а на четвертом сверх теплого кафтана была накинута черная монашеская ряса.

Миновав рогатки и несколько кривых проулков, сани выехали на соборную площадь. Кучер передних саней, ехавший верхом на первой гусевой, остановил лошадь у ворот княжеского двора, спрыгнул наземь и что есть силы стал барабанить в калитку.

На дворе залаяли псы. Тяжелая дубовая калитка наполовину приотворилась, и показалась голова старика сторожа.

– Что за люди такие? – спросил он, недоверчиво оглядывая путников своими подслеповатыми глазами.

Парень сказал несколько слов. Калитка снова захлопнулась; загремели засовы ворот, и через минуту сани въехали во двор. Задние сани, в которых сидел только один путник, подъехали почти к самым ступеням крыльца княжих хором; вторые остановились в нескольких шагах позади.

Князь Иван Андреевич и его гость продолжали еще беседовать, когда на пороге горницы показался дворецкий. При виде слуги хозяин умолк и сделал рукой знак брату.

– Что тебе? – досадливо спросил он.

– Боярин с Москвы к твоей княжеской милости... – с низким поклоном произнес дворецкий. – Спрашивает, не тут ли, мол, князь Дмитрий Юрьевич?

Князь Дмитрий живо обернулся в сторону слуги.

– Меня спрашивает? А имя свое сказывал боярин?

– Боярин Иван Ларионыч Старков, государь... А с ним товарищи, три сынка боярских да черноризец...

– Князь Иван! – обратился Дмитрий к хозяину. – Вели скорее звать боярина. Друг он мне, а коли ищет, видно, дело важное есть!..

– Зови сюда боярина, – приказал дворецкому хозяин, – а кои с ним, пусть в сенях ждут...

Через несколько минут в княжескую горницу вошел приезжий боярин. Это был худощавый, небольшого роста старик с редкой седой бородой и хитрыми, плутоватыми глазами. Расшитый золотом светло-зеленый бархатный кафтан с высоким козырем, унизанным жемчугом и камнями, указывал на знатность приезжего.

Сделав шаг от порога, боярин отвесил по поклону хозяину и гостю, каждый раз касаясь рукой земли.

Князь Иван, не вставая с места, ответил гостю на его приветствие и указал рукой на скамью недалеко от себя.

Иван Ларионович Старков, ближний боярин великого князя московского Василия Васильевича, был, конечно, и раньше знаком князю Ивану Андреевичу Можайскому, но двоюродный брат государя недолюбливал хитрого и пронырливого старика. Где бы ни появился боярин Старков, он всюду вносил с собой смуту и раздор.

Неожиданное появление его и теперь не было приятно хозяину. Он недоумевал, по какой причине Старков разыскивает князя Дмитрия.

– Ну, рассказывай о своем деле, Иван Ларионыч! – обратился Дмитрий к нежданному гостю, после того как тот выпил стопку меда, предложенную ему хозяином.

– Уж такие-то дела, государь, такие дела, что и вымолвить страшно! – жалобным голосом заговорил старик. – Отатарились мы совсем, сами головой в петлю лезем... Не мы ноне в почете у государя великого – татарва проклятая... Мы-то холопами верными ему были, а мурзы да ханы советчиками да друзьями любезными стали... Все для них, все им... И казней, не глядя, жалует, и земель, не меряя, ветают!.. За грехи, видно, наши послал на нас Господь времена такие...

Дмитрий многозначительно взглянул на князя Ивана. Можайский слушал жалобы старика и невольно на этот раз верил ему – то же самое он уже слышал и от князя Дмитрия.

– И плоше того не бывало, – снова стал жаловаться старик, – ни при отце, ни при деде его, государях великих!..

Иван Старков на минуту умолк, опасливо оглянулся на дверь и заговорил тихим шепотом:

– Дед-то да отец-то всю жизнь петлю распутывали, а он – на поди! Все княжество московское Улу-Махмету отдает, а себе Тверь берет!.. Словно рукавицу снял да бросил!

– Да неужто же в самом деле так? – с ужасом проговорил Можайский. – Митя, да что же это?!

Князь Дмитрий пожал плечами:

– То же и я тебе рассказывал... Ну а меня-то почто разыскивал, Иван Ларионыч? Весть-то твоя знакома мне, сам намерен на Москве был!

– Знаю, знаю, надежда-государь! Только как уехал ты, со дня на день хуже да хуже пошло. Житья от татар не стало!.. Терпели мы, терпели, да и надумали дело...

Боярин пересел поближе к столу.

– По всей Москве, – зашептал он опять, – говор идет: какой он нам князь великий, коли хану нас отдает? Не надо нам его... Не один-де он внук у великого князя Дмитрия!.. Посадим другого, авось в обиду нас не даст... Да... Глас народа – глас Божий... И мы-то, бояре княжеские, то же промеж себя толкуем. Вот и надумали: коли ты с нами так – и мы тебе не слуги! Надумали да и положили: возьмем себе великим князем князя Дмитрия Юрьевича!..

Старков остановился и зорко взглянул на Можайского. Но на лице князя Ивана не отразилось ни досады, ни зависти. Он сам создавал превосходство брата Дмитрия, и выбор Москвы казался ему вполне естественным при настоящих обстоятельствах.

Князь Дмитрий слушал своего благожелателя и недоумевал. Все, что говорил сейчас Старков, Шемяке было известно еще в Москве. И тогда Старков и некоторые другие бояре – хотя очень немногие – прочили его в великие князья московские. Только мало было толку от этих разговоров, никакой надежды не было столкнуть Василия и сестру на его место. Москва любила своего государя и не выдала бы без жестокой борьбы. Неужто хитрый старик придумал что?

Такие мысли пробегали в голове Дмитрия, пока он слушал своего сторонника.

– Не в обиду будь сказано тебе и брату твоему, государь-князь Иван, – начал старик, – князь Дмитрий против вас всех, внучат Дмитриевых, удалю да характером взял... А дела ноне такие, что коли упустишь минуту, потом не поправишь!.. Так ли говорю, надежда-государь?..

– Так-то оно так, – задумчиво отозвался Можайский, – да ведь что поделаешь-то?.. По нужде терпеть да глядеть все приходится!..

Князь Иван, как и отец его, дядя великого князя, никогда не оспаривал лично для себя московского княжения; по характеру они были противниками всяких междоусобиц.

– Государь-надежа! – убедительно зашептал Старков, бросив быстрый взгляд на Дмитрия. – Стерпеть-то, пожалуй, можно, да ведь земля-то вся наша Русская сгинет! А будет великим князем Дмитрий Юрьевич – все переменится!..

– Так неужто кровь братнюю проливать? Не пойду я на такое дело, боярин! – решительно произнес князь Иван.

– Что ты, что ты, государь! – словно в испуге замахал руками Старков. – Экое слово молвил: кровь проливать! Христос с тобой! Рази мы-то пойдем на такое дело? По-хорошему все устроим – никто в обиде не будет...

Шемяку давно уже разбирало нетерпение. Он видел, что старик умышленно растягивает свой рассказ, стараясь склонить на свою сторону Можайского. Дмитрий знал нерешительность и добродушие князя Ивана, знал, что его убеждать надо долго, – и все-таки не выдержал:

– Так по хорошему, говоришь, устроишься все, боярин? Ну-ну, сказывай, что вы там удумали...

Красивое лицо Дмитрия выражало волнение, руки нетерпеливо перебирали золотую бахромку скатерти.

Князь Иван тоже с усиленным вниманием смотрел на старика.

– По-хорошему, государи-князья, удумали мы, по-хорошему!.. Ноне у нас сырная неделя, а через шесть ден – Великий пост... А на первой неделе великий князь в Сергиеву обитель едет, говеть там будет... Москва-то без головы, значит, останется. Как уедет он в обитель, вы, князья-государи, в ту же ночь к нам. В воротах задержки не будет – все уж улажено. Поутру народу объявим... Увидят, что ты, государь-князь Иван, заодно с братом стоишь – и перечить никто не будет...

– А с великим князем да со всей семьей что будет? – недоумевая, произнес Можайский. – На кровь не пойду, сказал уж!..

– Ох ты, господи, государь-князь! – всплеснул снова руками лукавый старик. – Да кто ж тут говорит о крови? Княгиню с детками да старуху попридержим в Москве, а сами в обитель съездим. Там все тихо да полюбовно с князем Василием устроим... Не враг же он себе, поймет, что не хотят ему худого брата! А как кончится дело – даст ему великий князь и государь Дмитрий Юрьевич в удел Вятку али еще что... Будет он себе поживать там в мире да спокойствие с детками и княгиней, а земле-то нашей спасение всей... И все-то так тихо да мирно обойдется!..

Князь Иван сидел и думал. Не любил он таких дел, всю жизнь сторонился от смут. А с другой стороны, шутка ли! Задумал Василий все княжество татарам отдать! На убийство, на кровь не пошел бы он. А как без этого обойтись можно, разве будет грех? Земля Русская спасена будет, а Василия брат Дмитрий не обидит... не такой он!

Старый боярин зорко смотрел на хозяина и, казалось, угадывал, какие мысли волнуют князя Ивана.

– Что ж, князь-государь, – прервал он молчание, – сам видишь, как все выходит... Коли решать, так решать. Ты-то, государь-князь великий, – обратился боярин к Дмитрию, – изволишь?..

– Коли нужда такая пришла, не буду отнекиваться! – отозвался Шемяка. – Авось бог даст, не хуже Василия дело справлю...

– С товарищами я приехал, не один... От детей боярских выборных трое просить тебя, государь, о том же посланы... Духовенство тоже за тебя, и от них выборный есть... Из Москвы-то мы в Звенигород поехали, а там сказали: «У князя Ивана Андреевича князь наш...»

Несколько минут все трое молчали. Князь Дмитрий и Старков нетерпеливо ждали, что наконец скажет князь Иван.

– Не пошел бы я на смуту, – медленно заговорил Можайский, – коли б не оказался Василий врагом земли своей!.. А коли так, и я с тобой заодно, князь великий и государь Дмитрий Юрьевич!..

С этими словами князь Иван поднялся с лавки и в пояс поклонился своему двоюродному брату. Князь Дмитрий взволнованно обнял Можайского.

– Век твоего дружества ко мне не забуду! – проговорил он. – А Василию, видит бог, зла никакого не сделаем!..

«Ишь ты добрый какой!..» – насмешливо поглядел на Шемяку боярин Старков.

Глава II. Быть худу!

Шумливая и пьяная Масленица подошла к концу. Всю неделю гуляла-веселилась Москва. На площадях и улицах – у кабаков и кружал – день и ночь стоном стояли в воздухе гомон и крики расходившихся гуляк.

Наступил канун Великого поста.

Почти совсем затихло на московских улицах; изредка разве попадется пьяный, кабацкий ярыга и завсегдатай, он и в Прощеное воскресенье опохмелиться не прочь, да не на что больше – последнюю копейку вчера ребром поставил...

Отошла обедня.

Разошлись по домам знатные и незнатные, богатые и убогие – и всюду справлялся один и тот же обычай. Вернется из церкви хозяин, соберет всех домочадцев и у всех со слезами прощения просит. Ходят и знакомые друг к другу, кланяются в землю обоюдно, каются во взаимных обидах...

В этот день после обедни государь и великий князь московский Василий Васильевич в сопровождении бояр и ближних людей ходил в Архангельский собор. Перед каждой из гробниц своих предков государь останавливался, делал земные поклоны и «прощался». Вернулся к себе государь далеко после полудня. Вернулся, навестил мать-княгиню и жену, обеим поклонился в ноги.

– Прости и нас, государь великий! – со слезами на глазах отвечали обе княгини, кланяясь земно великому князю...

С женской половины государь прошел к себе в горницы.

Бояре ближние, стольники, постельники, кравчие, дети боярские и вся палатная челядь по двое, по трое появлялись на пороге государевой горницы и просили у великого князя прощения.

А гордый, надменный государь московский все это время стоял на ногах и в ответ на земные поклоны кланялся в пояс и отвечал смиренно:

– Прости и меня, друг, коли в чем согрешил пред тобой!..

После обряда государь скромно потрапезовал и удалился на покой...

Вечерело. Погода стояла с утра солнечная и ясная. Кудрявые облака, розоватые от заходящего солнца, казалось, застыли и остановились на бледно-голубом небе.

Золотые черепицы кровли великокняжеских хором, купола и маковки бесчисленных кремлевских церквей то там, то здесь ярко вспыхивали в последних солнечных лучах.

На государевом дворе кипела работа под наблюдением боярина-дворецкого: конюхи выводили и чистили лошадей, вытаскивали из сараев тяжелые великокняжеские кафтаны.

Путный боярин озабоченно отбирал среди дворни наряд для завтрашнего государева поезда.

Завтра, в понедельник, ранним утром великий князь Василий Васильевич отправлялся на великопостное говенье в Троицкую обитель, наиболее чтимую государями московскими.

Дворецкий и путный боярин то и дело понукали челядь – надо было покончить засветло со всеми приготовлениями.

– В темноте-то, при огне, не доглядишь чего, – сердито говорил дворецкий, толстый боярин с красным лицом, – а завтра в дороге заметит государь, на нас гневаться изволит!.. Погодка-то, кажись, как и ноне, хороша будет, – добавил он, взглянув на розоватое небо, – гляди-ка, Семен Иваныч...

Товарищ его, молодой стольник, назначенный государем на завтра в путные, поднял голову и внимательно оглядел со всех сторон небо.

– Кажись, снегу не видно, – проговорил он, – коли только воронье не накличет... Ишь, солнце застелило, проклятое!..

Слова стольника заставили всех поднять головы.

Со стороны Москвы-реки неслась действительно целая туча воронья. Черные птицы с оглушительным карканьем закружились над двором и над высокими царскими теремами; хлопая крыльями и перекликаясь, воронье усаживалось рядами на церковных крестах, по конькам крыш и на остриях ограды великокняжеского двора.

Толстый боярин-дворецкий нахмурил брови и покачал головой.

– Не быть бы худу, Семен Иваныч! Смерть не люблю я этой птицы, – проговорил он, – чтоб ей, проклятой, на свою голову!..

– Все-то ты с приметами, Лука Петрович, – улыбнулся стольник, – уж и покричать-то вороне нельзя!..

Кругом засмеялись.

– Смейся, смейся, Семен Иваныч, авось на свою голову!.. – недовольно ответил боярин. – Ишь ведь орут как!..

Отдохнувшие птицы в эту минуту опять закаркали, поднялись разом со своих мест и через несколько мгновений уже исчезли в вечернем небе.

Приготовления к поездке были наконец закончены; оба боярина еще раз внимательно все оглядели и, отдав нужные приказания, пошли во дворец.

– Ты вот, Лука Петрович, не в обиду тебе будь сказано, по молодости на все зубы скалишь, – ворчал на ходу дворецкий, – а уж на что хуже приметы этой! Как в последний раз татарва Москву жгла – три дня кряду перед тем воронье над городом кружилось... И откуда только набралось проклятого! Словно туча, бывало, повиснет... Чуюли кровь православную!..

Смерклось совсем.

В небольшой царицыной светлице, убранной и устланной множеством ярких ковров, было тепло и уютно; от лампад, висевших на серебряных цепочках перед иконами в дорогих окладах, шел тихий и ровный свет.

В красном углу, под образами, сидела за столом великая княгиня Софья и вслух читала Евангелие. Жена Василия, княгиня Марья, полная, молодая еще женщина, и три боярыни внимательно слушали чтение.

Княгиня Софья, высокая, худая старуха со строгим и надменным лицом, на минуту остановилась и стала объяснять прочитанное.

– Сорок дней и ночей молился и изнурял себя Христос в пустыне, – говорила она, – оттого-то и мы должны шесть недель поститься и молиться о своих грехах...

Старая княгиня опять было принялась за чтение, но ее прервали. В горницу вбежала, запыхавшись, молодая боярыня.

– Матушка-государыня, вот беда-то, вот напасть-то! – прерывающимся голосом заговорила боярыня и всплеснула руками. – Пронеси мимо нас, Царица Небесная!..

Княгиня Марья и три боярыни испуганно повскакали со своих мест. Старуха Софья осталась спокойной.

– Какая там напасть, Авдотья, что ты несурзное мелешь? – строго взглянула она на молодую боярыню.

– Ой, беда, государыня-матушка, – торопливо начала рассказывать снова боярыня, – и откуда только взялась лихая?! Иду это я по сеням сейчас – в повалуше⁴ была, – и встреться мне Лука Петрович наш... Такой-то идет сердитый да насупленный! Посмотрел это на меня да и говоришь: «Все бы вам бегать только, ног не отбили еще? Вам-то веселье, а беда не ждет!..» Я и обмерла. «Какая ж такая беда, – говорю, – Лука Петрович?» Говорю это, а сама трясусь

⁴ Повалуша – кладовая, чулан.

со страха. А Лука Петрович мне: «Нет еще беды пока – только была сегодня примета дурная! Были на дворе мы с Семен Ивановичем, путным, парад назавтра справляли. И вдруг откуда ни возьмись воронье, видимо-невидимо! Остановилось над двором государевым да над палатами и ну кружить да каркать!.. Ден за пять, как татары в последний раз Москву пожгли, так же, как и ноне, воронье орало!..» А я и говорю: «Неужто, мол, татары опять придут, Лука Петрович?» А он опять: «А бог весть что будет... Разве узнаешь? Ты, – грит, – побеге, Авдотья Карповна, к княгине-государыне да и скажи: не обождать ли, мол, государю-то великому день-другой? Не ровен час...»

– Ой, матушки, страсти какие! – вскрикнула одна из боярынь. – Государыня-царица, уже ли ж князь-то великий поедет завтра?

Перепуганная до полусмерти княгиня Марья в изнеможении опустила на скамью и залилась слезами.

– Ну, пошла хныкать Марья! – пренебрежительно махнула рукой свекровь. – Подумаешь, в самом деле, беда какая... А Лука Петрович твой – дурак старый, – обратилась она к боярыне, – сам, как баба, без приметы шагу не ступит да и людей морочит! Типун ему на язык, непутевому!..

Великая княгиня Софья, дочь знаменитого Витовта, литвинка по происхождению, была менее суеверна, чем русские женщины. Суровая по своему характеру, умная и дальновидная, она всю жизнь с презрением смотрела на московских боярынь, плаксивых и недалеких, не знавших ничего, что делалось за порогом их терема...

– Полно тебе, Марья, – продолжала старуха, – правду говорят люди: дешево бабы слезы, даром льются!.. И что вы за бабы такие! Я всю жизнь прожила да только раз, как под венец шла, плакала; а вы на дню по пять разов ревете! Мужу-то не докучай – пускай его с Богом едет!..

Но княгиня Марья воочию уже видела всякие страхи и не переставала плакать. Ей казалось, что беда уже наступила, грозная, неминуемая...

Старуха опять принялась за прерванное чтение Евангелия. Из страха перед строгой свекровью княгиня Марья утихла и только минутами судорожно всхлипывала.

Княгиня Софья дочитала до конца главу, объяснила и ушла в свою горницу.

– Не докучай, говорю, мужу-то, Марья! – строго проговорила она, уходя.

Но только ушла строгая свекровь, как царица расплакалась пуще прежнего. Остановить было больше некому, а боярыни и сами каждую минуту были готовы заголосить.

– Сходи-ка к мужу-то, государю великому! Авось уговоришь! – говорила шепотом, утирая слезы, боярыня Авдотья.

– И то пойду, пускай свекровь-матушка бранится потом! – махнула рукой великая княгиня.

Она взволнованно накинула на себя поверх опашня соболью телогрею и торопливо вышла из светлицы.

Великий князь Василий только что встал после отдыха, когда жена вошла его горницу. Он сидел за небольшим столом и при свете тонкой восковой свечи прилежно читал Евангелие: надо было как следует подготовиться к великопостному говенью. Великая княгиня как вошла, так и бросилась на шею к мужу. Ни слова не говоря, она билась у него на плече, как подстреленная птица.

– Что ты, Марьюшка?! Что с тобой?! – полуудивленно-полуиспуганно произнес великий князь. – Али с детьми что?..

Всхлипывая и путаясь, княгиня рассказала мужу обо всем.

– Не езд, сокол мой ясный, – говорила она, – чует мое сердце, беда стрясется над тобой! На кого ты меня, сироту, с детьми оставишь!..

Слова жены смутили Василия. Надменный и заносчивый, когда чувствовал вокруг себя силу, великий князь робел и совсем падал духом, встречаясь лицом к лицу с опасностью. Не вышел он характером ни в славного деда своего, ни в мать, гордую княгиню Софию.

Василий старался успокоить плачущую жену, а у самого сердце сжималось от страха. «Дурная примета, – беспокойно думал он, – куроклик да это... что хуже!..»

– Полно тебе, Марьюшка, полно, родная, – говорил он. – Не поеду завтра, да и все тут!..

Княгиня понемногу успокоилась и ушла к себе.

Оставшись один, великий князь все больше и больше стал поддаваться суеверному страху. Попробовал он было снова приняться за Евангелие – не читается, так и стоят в голове слова боярина Луки: «Как пожгла татарва Москву, ден за пять до того тоже все воронье кружилось над городом, кровь чуяло!..»

Закрыв князь Василий книгу и собрался сходить к матери. Но в эту минуту в горницу вошел стольник.

– Государь великий! Владыка Иона к тебе жалует...

Василий обрадовался гостю и пошел к дверям навстречу митрополиту.

Митрополит Иона, старик с простым и умным лицом, благословил великого князя, а потом трижды с ним облобызался.

– Перед путем твоим, государь благочестивый, повидать тебя захотелось, – заговорил Иона, усаживаясь за стол против Василия. – Невелик путь и недолга разлука, а все же, я чаю, недели две пробудешь в обители... До свету выедешь, сын мой?

– До свету, владыка... – нерешительно ответил Василий. Ему было неловко сознаться перед Ионой, и он решил, что завтра просто отговорится нездоровьем...

Иона тихим, но внятным голосом стал говорить о значении и важности предстоящего говенья.

Облокотившись на руку, Василий старался внимательно слушать владыку, но, несмотря на старания великого князя, на его молодом болезненном лице, опущенном редкой белокурой бородкой, явственно проступали волнение и тревога, навеянные недавним посещением жены.

Не прерывая своей речи, митрополит несколько раз внимательно поглядел на своего слушателя; от взора владыки не скрылись старания Василия подавить вздохи, по временам просившиеся из его груди.

Иона остановился.

– Сын мой, – мягко прошептал он, – что-то ощущает твое сердце. А ныне, готовясь к великим дням, оно должно быть чисто и безмятежно. Что с тобой, государь великий?

Василий вспыхнул и отвернулся от пронизательного взора архипастыря.

Он попробовал было уверять, что его сердце совершенно спокойно и ничем не смущено. Но сама несвязность его речи еще больше выдавала внутреннее состояние. Владыка покачал головой.

– Вся душа твоя на твоём лице, государь великий, – произнес он, – откройся мне, возлюбленное чадо мое, исповедь облегчает страдания...

Тихий голос и слова Ионы дышали, по обыкновению, такими искренностью и добротой, что Василий не выдержал и во всем признался владыке.

– Больно уж страшно, отче святой! А ну если поеду, да стрясется что?.. Вон Лука Петрович, дворецкий, говорит, что перед татарами, в последний раз, то же было... Вот я и думаю обождать день-другой...

На лице Ионы отразились огорчение и укоризна.

– Суеверие – грех, государь великий, – заговорил он. – Никому из людей, кроме святых угодников, не дано знать, что может быть с каждым из нас. Кто дерзает на это, тот безумно испытывает терпение и милосердие Божие! Нам ли, ничтожным, с нашим слабым разумом посягать на это?.. Страшиться надо грехов, а суеверный страх – тот же грех, ибо он соединен с

недостаточной верой или с полным неверием в Бога... Кто верит, тот не страшится, зная, что и единый волос не упадет с нашей головы, коли это не угодно Господу...

Владыка вздохнул и на минуту остановился.

– Да и рассуди сам, сын мой. Говоришь ты: «Примета дурная, поеду – злое случится!» Хорошо... Коли по твоей примете должно быть что худое для тебя, так, может быть, оно, худое-то, и не в пути случится, а ты ехать не хочешь!..

– И то правда, отче святой, – смущенно сознался Василий, – мне и в голову того не пришло!..

Владыка посмотрел на него и улыбнулся своей кроткой улыбкой.

– Вот то-то и есть, чадо мое возлюбленное! Верись и боись, а сам не знаешь, во что и чего... Выкинь лучше мысли греховные из головы и поезжай завтра с Богом... Без Его воли ничто не случится с тобой, а от воли Его не уйти ни тебе, государю великому, ни смерду последнему!..

Владыка поговорил еще несколько времени с великим князем и, увидев, что тот совсем успокоился и ободрился, поднялся со своего места.

– Поезжай с Богом, благочестивый государь, – повторил он, – а мы здесь будем возносить за тебя смиренные молитвы наши!..

Он благословил на предстоящей путь Василия и вышел из горницы.

Посещение Ионы благотворно подействовало на великого князя. Страх его как рукой сняло. Он кликнул слугу и велел позвать дворецкого.

– Все ли у тебя готово, Лука Петрович?.. В ночь выедем! – бодро произнес Василий.

– Готово все, государь великий, – поклонился боярин, – только не лучше ли будет твоей милости обождать день-другой? Ноне...

– Слыхал, слыхал! – махнул рукой Василий. – Пустое, боярин! Коли что случится, так и дома случится... В ночь до свету выедем!

Боярин отвесил низкий поклон государю и молча вышел из великокняжеского покоя. На потном, красном лице дворецкого были написаны неподдельные тревога и смятение.

– Дай-то бог, чтобы все по-хорошему!.. Дай-то бог!.. – шептал он, проходя по темным переходам дворца.

Глава III. На пути в обитель

До рассвета еще оставалось часа три, когда постельничий вошел в государеву опочивальню. Неслышно ступая по ковру, боярин приблизился к царскому изголовью.

– Государь великий, – осторожно проговорил постельничий, – время вставать... К ранней ударили...

Василий проснулся. В горницу вошли еще несколько слуг из боярских детей. У каждого из них была в руках какая-нибудь принадлежность царской одежды, двое держали серебряную лохань и кувшин для умывания.

– Сразу в дорогу будешь одеваться, государь великий, или после службы? – спрашивал боярин-постельничий.

– Успеется еще, Демьяныч, – ответил великий князь, – и после службы времени хватит.

Из опочивальни великий князь в сопровождении слуг прошел в крестовую палату; здесь его уже ожидал в полном облачении домовый причт.

После обедни священник отслужил напутственное молебствие. Василий приложился к кресту и вернулся в свои покои.

Успокоенный владыкой, молодой государь хорошо провел ночь и чувствовал себя бодрым и свежим. От вчерашних страхов не осталось и следа, и Василий почти весело сел за утренний стол, около которого уже давно хлопотал дворецкий.

По обычаю, Василий велел позвать к столу путного боярина, стольника Семена Ивановича.

– А что, Семен, не видать воронья боле?.. – полушутливо спросил великий князь, когда путный сел за стол.

Стольник взглянул на государя и в том же тоне ответил:

– Не видать, государь великий. Должно, Лука Петрович распугал всех, – добавил он, бросив мельком взгляд на дворецкого.

Лука Петрович, такой же хмурый, как и вчера, досадливо крикнул.

Сознание, что наступил Великий пост, сдержало Василия от проявления дальнейшей веселости; он серьезно заговорил о поездке и не позволил себе больше ни одной улыбки...

После стола государь стал одеваться в предстоящей путь. Поверх атласного зипуна он надел малиновый бархатный кафтан, украшенный золотым кружевом, а сверху чугу⁵ с короткими рукавами по локоть и подпоясался богатым поясом, обернув его раза четыре вокруг себя. Красные сафьяновые сапоги были заменены мягкими ичигами⁶ на теплом меху...

Высокая шапка с атласным белым верхом и околышем из соболя, перстатые бобровые рукавицы, шуба из чернобурых лисиц и богатый посох, украшенный камнями, лежали наготове.

Василий пошел проститься перед отъездом с матерью и женой.

Обе княгини уже давно встали и в ожидании прихода государя сидели в той же светлице, что и вчера.

Княгиня Марья через своих боярынь уже знала, что Василия вечером посетил митрополит; знала, что муж снова решил ехать, и сидела бледная и расстроенная. В присутствии суровой свекрови она боялась громко высказывать свое огорчение; она сидела склонившись над пальцами, и золотое вышивание было все смочено слезами княгини.

⁵ Чуга – узкий кафтан для путешествий.

⁶ Ичиги – татарская обувь, сапоги из мягкой кожи; они до сих пор в употреблении в поволжских губерниях и носят такое же название.

Старуха Софья встретила сына приветливо, но сдержанно; она вообще была не охотница до нежностей и ласк...

– Собрался, Вася? – посмотрела она на великого князя. – Ну и поезжай с Богом... Дело доброе, помолись и за нас, грешных...

Василий, несмотря на свой тридцатидвухлетний возраст, был все еще в полном повиновении у матери и в ее присутствии робел, как мальчик. Без ее совета он не решался ни на один шаг. Пробовал он было возражать или поступать самостоятельно – ничего не выходило. «Молчи уж, сынок!» – только и скажет, бывало старуха, и Василий тотчас же смирялся.

Софья очень любила сына, но не обманывалась на его счет. «В кого он такой уродился? – жалостливо думала она, глядя на болезненного, слегка сутуловатого сына. – Ни в меня, ни в отца не пошел, а до деда и рукой не достанет!»

Василий попрощался с матерью, поклонился ей трижды в землю и подошел к жене.

Княгиня Марья не выдержала; обняв мужа, она залилась громкими, отчаянными слезами...

– Не дури, Марья! – строго прикрикнула на нее свекровь. – Не в Орду муж едет, а ты как по покойнику воешь!..

Василий поцеловал жену и торопливо вышел из светлицы, но и в третьей горнице он еще слышал за собой отчаянные рыдания княгини Марьи. Василий на минуту остановился было, оглянулся назад, но потом махнул рукой и быстро пошел на свою половину.

На дворе было еще темно, но чувствовалась уже близость рассвета, когда великий князь в сопровождении бояр и стольников вышел на крыльцо.

Поддерживаемый с двух сторон под руки, Василий спустился по ступеням и уселся в крытые сани, обитые внутри мягкими и теплыми мехами.

Великокняжеская повозка была запряжена в две белые лошади, гусем. Переднюю лошадь держали под уздцы два кучера; они, по обычаю, должны были идти пешком.

Дворецкий подал знак; мелодично звякнули серебряные бубенчики и бляхи, украшавшие сбрую царских санников⁷. Великокняжеский поезд медленно двинулся к воротам кремлевского двора...

Боярин Лука Петрович обождал, пока поезд скрылся в воротах, вздохнул и стал подниматься на крыльцо.

– Дай-то бог, чтоб все по-хорошему! – прошептал он и, сняв свою высокую шапку, перекрестился на кресты кремлевских соборов и церквей.

Миновав Неглинные ворота, царский поезд двинулся по направлению к северным рогаткам, закрывавшим Ярославскую дорогу.

Москва начинала просыпаться. На небе уже погасли звезды, и город окутала предраc-светная мгла февральского утра. В сыром воздухе уныло повис редкий великопостный звон, несшийся со всех концов Москвы.

Царский поезд растянулся на добрую четверть версты. Впереди шло человек тридцать скороходов с цветными фонарями в руках и освещали дорогу. За скороходами ехал верхом путный боярин, стольник Семен Иванович, с толпой конных вооруженных холопов; за отрядом слуг, в самой середине поезда, подвигалась великокняжеская каптана, окруженная десятком молодых боярских детей на конях и в богатых уборах. Непосредственно за каптаной государя следовала другая, поменьше, в которой ехали два малолетних сына Василия, Иван и Юрий, с дядькой-боярином. Несколько повозок, в которых сидели сопровождавшие государя бояре, замыкали собой поезд.

Навстречу то и дело попадались пешие и конные путники; москвичи поспешно сворачивали в сторону, снимали шапки и низко кланялись.

⁷ Санники – лошади, запрягавшиеся исключительно в сани.

– На богомолье государь великий выехал! – говорили друг другу жители, провожая глазами последние повозки.

Поезд добрался наконец до рогаток и выехал из города.

Было уже почти совсем светло.

Слезы жены хоть и подействовали на великого князя, однако утреннее хорошее настроение еще не рассеялось. Убаюканный мягким покачиванием саней, Василий сладко задремал. Когда он очнулся, на дворе стоял уже белый день. Февральское солнце слепило глаза своим ярким светом и грело совсем по-весеннему.

Василий выглянул из возка и спросил ближнего боярского сына:

– Много ли отъехали, Василий?

– Пятнадцатую версту едем, государь великий! – снимая шапку, ответил спрошенный. – Часа через полтора Клязьму переезжать будем...

Великий князь приказал поднять задок возка. Спать ему больше не хотелось. Дорога шла березовым лесом; неширокая колея, проложенная еще в начале зимы, кое-где успела уже потемнеть под лучами февральского солнца.

«Весна дает себя знать...» – с удовольствием подумал Василий, оглядываясь кругом.

В лесу было тихо, только по временам раздавался слабый писк какой-нибудь маленькой, зимней птички.

Царский поезд выбрался на поляну; в стороне от дороги жалось несколько почерневших избенок. В воздухе запахло курным дымом.

С придорожных берез, где на верхушках темнелись неуклюжие вороны гнезда, поднялись несколько черных птиц; вспугнутые людьми, они суетливо захлопали крыльями, наполняя воздух своим неприятным криком.

Василий поднял голову, и в ту же минуту ему вспомнились слова дворецкого: «А дней за пять, как прийти татарам, тучей стояло воронье над Москвой...» Вспомнил великий князь и отчаянные рыдания жены сегодня утром, вспомнил – и неприятное, тревожное чувство стало наполнять его душу... Через некоторое время страх до такой степени овладел им, что в голове его шевельнулась мысль: не вернуться ли назад?

– Сколько проехали? – спросил он у того же боярского сына.

– Клязьма видна, государь великий – ответил тот, указывая вдаль рукой.

«Половина пути... – мелькнуло в голове государя. – Вернуться разве? Стыдно больно... Засмеет мать, да и митрополит укорять будет... Поеду!» – решил Василий.

Скрепя сердце ехал он дальше, а мрачные мысли, словно злые недруги, теснились к нему со всех сторон.

«Что же будет-то, господи боже мой? – тоскливо думал великий князь. – Татары придут? Москву подожгут, жену и детей в полон возьмут?.. Да нет! – сейчас же успокаивал он самого себя. – Не может того быть, не для чего ханам злобиться на меня! Одарил всех сверх меры, деревень да сел роздал сколько!.. Не придет Улу-Махмет, друг он мне теперь!.. Так что же будет? – вставал снова перед ним вопрос. – С братьями опять нелады, что ли? И то непохоже! За Можайскими искони того не водилось... Разве Юрьевичи?.. Да и с ними счеты, кажись, окончены... Дмитрий-то совсем на житье в Москву переселился. «Не надо, – говорит, – и удела мне...» Шемяка разве?.. От него всего ждать можно. Да, опять, и он не пойдет больше на смуту. О Рождестве еще при митрополите святом говорил: «Пусть страшной казнью накажет меня Бог, коли рука моя поднимется на тебя, государь великий!» И крест целовал... Нет, не пойдет и он ни на что больше... И так уж довольно было меж нами! Вспомнить страшно, что было!»

Василий покачал головой, вздохнул и перекрестился.

«Да, много зла, – повторил он про себя. – Как дядя, Юрий Дмитриевич, жив был, ни одной, кажись, минуты покойной не было...»

Картины недавнего еще прошлого замелькали перед ним.

При отце покойном все было тихо, никто не смел перечить. Захворал отец, промучился с неделю да и отдал Богу душу... Страшная была та ночь!.. Он-то, Василий, совсем еще малым парнишкой был, двенадцати лет. Почувствовал отец смертного часа приближение, призвал Фотия, митрополита, бояр всех... «Василия моего в обиду не дайте, – стал он им говорить, – мал еще он, дитя совсем, а дядья рады избидеть будут...» Бояре все крест на том поцеловали. Почитай, все потом клятву сдержали. Умер батюшка, поднялась смута... Дядя-то, Юрий Дмитриевич, и слышать не хотел, чтоб малолетний племянник стол московский занял. Поднялась вражда великая!.. Много о ту пору добра сделал Василию митрополит Фотий! Истинно святой человек был! Поехал он в Галич, дядю, Юрия Дмитриевича, вразумлять... Гордо принял его дядя. О мире и слышать не захотел... Разгневался на него владыка, уехал в тот же день из Галича, не дал благословения своего пастырского ни князю, ни жителям... И – велики чудеса Господни! – на другие же сутки начался в городе мор, какого отродясь никто не видал!.. Испугался дядя, поскакал догонять владыку. На коленях стоял перед угодником Божиим, прощение вымаливал... Внял его слезам владыка, вернулся назад и благословил Галич – мор как рукой сняло!.. Смирился поначалу дядя, признал государем его, Василия. Три года прожил в мире... И опять досада дядю взяла. В тот год дед, Витовт литовский, умер, Юрий-то и набрался духу... Складную грамоту прислал. Решили наконец в Орду ехать – судиться...

Василий вспомнил про эту поездку и невольно улыбнулся.

Ловко их всех обошел тогда боярин Иван Дмитриевич. Юрий-то, дядя, в дружбу с мурзой Тегиней вошел, понадеялся на его силу у хана... А Иван Дмитриевич собрал остальных мурз да и говорит им: «Ваши просьбы ничего не стоят у хана, не выступить из Тегинина слова, по Тегинину слову дадут княжение князю Юрий, а коли сделает так хан, послушает Тегиню – что, мол, с вами со всеми будет? Юрий, мол, будет великим князем в Москве, в Литве – побратим его Свидригайло, а в Орде будет сильнее вас всех Тегиня!..» В самое сердце попал мурзам боярин. Побелели все с досады и зависти. «Не бывать, – говорят, – тому!» Все как один ударили мурзы челом хану: пусть будет Василий великим князем московским! Видит хан, все за Василия, разгневался на Тегиню, пригрозил ему смертью, коли снова упомянет про Юрия-дядю... А потом вскоре и суд хан прислал. Юрий-дядя говорил, что, мол, по старине – его права... Да и тут обошел его Иван Дмитриевич! Поклонился низко боярин хану да и говорит: «Князь-де Юрий ищет княжения по завещанию отцовскому, а князь Василий – по твоей ханской милости! Ты дал улус отцу Василия, Василию Дмитриевичу, а тот, милость твою к себе зная, сыну стол передал, и сын уже несколько лет княжит, а ты на него не гневаешься – стало, княжит по твоей милости!..» Хан-то и отдал ярлык ему, Василий. Дядя Юрий только обездежил понапрасну...

И опять по лицу Василия скользнула улыбка.

Да... Все бы пошло хорошо, кабы не отъехал боярин Иван Дмитриевич. А как отъехал к дяде – все худо пошло. Нежданно-негаданно собрал Юрий войско и подступил к Москве. Что тут делать было?.. Послал он, Василий, бояр своих о мире толковать, а Всеволожский и говорить с ними не захотел. Собрали наскоро рать, только мало от этой рати толку было. Наголову разбил ее Юрий. А потом – бегство в Кострому... В Москве великим князем дядя, Юрий Дмитриевич. Тяжелые были дни... Коли б не смиловался дядя да не дал в удел Коломны, совсем бы ему, Василию, пропадать пришлось.

А в Коломну к нему со всех сторон верные люди собираться стали. Из Москвы толпами шли – помнили его да отцовскую милость. Шли да шли – и остался князь Юрий на Москве без бояр. Жутко ему пришлось, видит, что плохо дело... Посидел еще немного – да и прислал в Коломну гонцов: садись-де, племянник, на свое место! А сам в Галич ушел... Да и тут беды не кончились. Сыновья-то дяди, оба Дмитрия, отца не послушались, не примирились с ним, с Василием. Набрали они галичан да вятичей и разбили Васильеву рать. А третий их брат, Василий Косой, захватил в это время стол московский... Умер дядя, Юрий Дмитриевич.

Он, Василий, в это время собирался из Нижнего, где проживал, в Орду ехать, заступы у хана просить. Не пришлось, однако... Оба Дмитрия поссорились с Косым, а с ним – с Василием – мир заключили. И опять он в Москве княжит... А Василий Косой убежал из Москвы в Новгород Великий. Набрал себе шайку вятичей, пограбил Бежецкий Верх, разорил Заволочье... Его, Васильево, войско настигло Косого в Ярославской волости, у Великого Села, на берегу речки Которости. Услышал Господь молитвы Василия: Косого разбили наголову, и он бежал в Кашин. Думал тогда Василий, усмирится брат... Да не тут-то было! Набрал Косой новую шайку и напал неожиданно на Вологду. Положил всю заставу великокняжескую, а в это время вятичи опять к нему собираться стали. Пришлось опять ему, Василию, выступить с войском против брата. Подошли к Костроме, глядь – Косой со своими полками на противном берегу Волги. Три дня стояли друг против друга. Никому не было расчета переходить Волгу первому. Постояли – и помирились... Он, Василий, дал о ту пору хороший удел Косому – Дмитров... Людный и богатый удел! И то ему мало стало бесстыжему! И так с месяц прошло, не боле – присылает вдруг Косой подметные грамоты... Сам, говорят, в Кострому ушел из Дмитрова... Опять пошли плохие вести. Взял Косой Галич, Устюг, захватил Гнеден⁸, воеводу гнеденского, князя Оболенского, да десятильника владыки ростовского убил, бояр и людей многих перевешал, пограбил добра немало... Что было делать ему, Василию?

На ту пору как раз приехал в Москву Шемяка – звать его, великого князя, на свадьбу к себе. Подумал он, Василий, с боярами да и посадил Шемяку за приставов. Худого ему ничего не сделали – посадили, чтоб не сходилась с братом только. А против Косого с войском выступили. Встретились близ Ростова, у села Скарятина. Немалая сила была тогда у Василия. Много помог в тот раз выходец литовский, князь Баба-Друцкой, со своим полком. Как встретились с Косым – видит он, что дело плохо, на хитрости пустился. Прислал к нему, к Василию, просить о перемирии до утра.

Он-то, великий князь, не понял сначала, согласился. К тому ж надо было после перехода отдых войскам дать, да и запасы вышли... Только что его, Васильевы, полки за запасами расходиться стали – вдруг сторожа бегут: Косой-де поднялся и наступает! Переполох поднялся не дай бог какой! Он, Василий, сам трубу схватил, трубить стал. Слава тебе господи, недалеко полки ушли, воротиться успели. С честью тогда злодея приняли! Друцкой со своим полком первым напал на Косого. В полчаса времени все решилось – полки злодея спину показали. Косого окружили, сбили с коня. Привели брата-злодея к нему, к великому князю... Что ему было делать с таким смутьяном? Ни ласка, ни угроза – ничего не брали...

Великий князь скорбно вздохнул и перекрестился.

Грех, тяжкий грех было проливать братнюю кровь. «Да что же делать-то было? – чуть не вслух произнес в отчаянии Василий. – Либо самому было погибать, либо Косому!...»

Василий велел ослепить брата...

Через несколько дней после ослепления привели Косого к государю.

Ох, господи, и какой же он страшный был! Белый как мел, дрожит весь, а вместо глаз ямы темные, словно две черные печати положили.

На колени стал перед ним Косой, плачет – по щекам не то слезы, не то кровь бежит. И он, Василий, глядя на брата, заплакал от жалости. А потом одарил и отпустил в Дмитров...

С ослеплением Косого тихо все стало.

Пять лет мирно прожили, вспоминалось дальше Василию. Были раздоры с Шемякой, да пустые. О прошлом годе – новое горе: татары поднялись опять...

Весной 1446 года двое сыновей хана Улу-Махмета вошли в русские пределы. Великий князь собрал войско и выступил против татар. Подошли к Суздалю и на реке Каменке в ожидании татар станом стали.

⁸ Устюжская крепость.

А Шемяка, хоть и обещался, не пришел, а между тем вся надежда была на него да на других князей – у Василия мало своего войска было. Как началась битва, татары почему-то притворились, будто побежали. Полки московские в погоню – да и разбрелись в разные стороны. А татары остановились вдруг, окружили по частям рать московскую, половину перебили, половину в полон взяли...

Взяли в полон и самого великого князя вместе с двоюродным братом, Михаилом Андреевичем Можайским.

А потом несколько месяцев у татар в плену...

А из Москвы до Василия слухи дошли – жену с детьми и мать-старуху Шемяка в Ростове запер. Думал воспользоваться пленением великого князя – сесть в Москве. Да не удалось – не пустил Бог такого дела!

Призвал его, Василия, хан к себе и говорит:

– Что дашь, коли отпущу тебя на Москву?

И запросил такой окуп, что он, Василий, подумал сначала, что хан шутит. А как было не согласиться? Хан в Орде сгноить пригрозил... А семья-то что без него будет делать? Со свету Шемяка сжил бы всех... Хочешь не хочешь – пришлось согласиться! Ну да и хан сдержал слово: окуп взял да и ему, Василию, помог снова сесть на Москву. Сколько горя-то было: Москва погорела, жители разбежались...

Вернулся из полона великий князь в Москву, помирился опять с Шемякой. Юрьевич крест поцеловал.

– Бог даст, будет на этот раз целованье свое держать! – вздохнул великий князь, думая уже о последних событиях. – Клятву страшную дал!.. Да, его нечего бояться! – решил он окончательно.

Но тревожное чувство не проходило. Оно только перестало быть острым. Не зная, откуда ждать беды, Василий все-таки не переставая думал о ней...

Шел уже четвертый час дня, когда царский обоз достиг Радонежа. Отсюда с горы можно было уже разглядеть вдали купола и кресты обители.

Жители маленького городка были уже предупреждены о приезде великого князя. Они собрались толпой у околицы и встретили молодого государя шумными изъявлениями радости и приветствиями. Взрослые и дети, мужчины и женщины – все теснились к великокняжеским саням, чтобы поближе взглянуть на своего князя...

«Помнят наши милости, любят нас!..» – подумал опять Василий.

Он приветливо улыбался жителям и кивал им, забыв в эту минуту все свои тревоги и опасения.

Радонежцы проводили великого князя до выезда из города и простились с ним.

– Дай тебе Бог говенья тихого, кормилец наш! Здрав будь, государь великий!.. – слышались из толпы напутственные пожелания.

Поезд спустился с Радонежской горы и через час уже подъезжал к стенам обители. Государь подоспел вовремя: в монастырских церквях только что ударили к вечерне.

Чернец-привратник, стороживший дорогу с караульной башни над воротами, издали разглядел государев поезд и опрометью бросился вниз оповестить игумена.

В обители засуетились. Через несколько минут длинная вереница братии с иконами и хоругвями в руках, во главе с игуменом, уже выходила из ворот навстречу великому князю...

Царский поезд остановился. Василий с помощью бояр вышел из саней и подошел под благословение к игумену.

Благословив государя, игумен и старейшие из братии, почтительно поддерживая Василия под руки, повели его в собор прикладываться к мощам преподобного Сергия.

Прямо с пути, не отдыхая, простоял государь всю вечернюю службу. Вместе с ним простояли до конца и оба малолетних сына.

Тихий мир святого места и усердная молитва наполнили умилением душу великого князя.

Созерцание святых мощей преподобного Сергия уничтожило в сердце Василия всякие страхи и сомнения.

Тем же вечером, после службы, беседа с игуменом и другими старцами, Василий рассказал и о дурной примете... Но рассказал он уже успокоенный, без прежнего страха...

Игумен благословил его на сонь грядущий.

– Спи покойно, государь благочестивый! – произнес старец. – Преподобный и святой Сергей оградит тебя от всяких бед и напастей!..

И Василий спокойно заснул в эту ночь.

Глава IV. Что-то будет?

На полпути между Москвой и Коломной под вечер, накануне Великого поста, по коломенской дороге легкой рысью, почти шагом, подвигалась толпа всадников.

Дорога пошла густым лесом.

Проехав еще с версту, передовой всадник остановился. Он внимательно огляделся кругом, взглянул на небо, порозовевшее от заката, и решительно спрыгнул на землю. Понемногу подъезжал и останавливался и весь отряд.

Передовой, сняв шапку, подошел к двум всадникам, сидевшим на красивых вороных лошадях в богатой сбруе.

– Здеся, государи великие! – произнес он с низким поклоном. – Тут влево тропка сейчас будет...

Те, кого он назвал государями великими, с помощью слуг слезли с лошадей и вслед за проводником по чуть заметной тропке свернули в лес. За ними гуськом, по одному, потянулся весь отряд. Лошадей спешившиеся всадники вели в поводу.

– Стало быть, ночевать в лесу придется, князь! – вполголоса проговорил высокий смуглый мужчина в лисьем кафтане – один из тех, к кому обращался проводник.

Это был знакомый уже нам князь Дмитрий Юрьевич.

Товарищ его, князь Иван, пожал плечами:

– Коли не ждет в сторожке, придется, государь...

Впереди меж деревьев засветлело. Через минуту открылась небольшая лесная поляна. Та же узенькая тропка вела наискось через всю поляну к противоположной опушке. Здесь под деревьями приютилась небольшая сторожка, полузасыпанная снегом. Кругом не виднелось никакого другого жилья, и стояла мертвая тишина.

Проводник подошел к сторожке и отворил низенькую покосившуюся дверь. Оба князя, нагнувшись, вошли вслед за ним. В избенке было темно и холодно.

– Нету его... ночевать будем, – проговорил Дмитрий. – Не уехал, знать, сегодня еще...

Слуги натаскали в избушку сухого валежника, и через несколько минут на земляном полу затрещал небольшой костер. Едкий сизый дым наполнил всю сторожку, выбиваясь клубами в открытую дверь. В таком дыму, казалось бы, нельзя пробыть было и минуты, но оба князя, как и все русские люди, привычные ко всему, спокойно устроились на разостланных для них на полу кошмах.

Оживилась и пустынная лесная прогалина.

В нескольких местах запылали костры, послышался людской говор. С опушки то и дело доносилось ржанье лошадей.

Наступила темная, безлунная ночь. Княжеская челядь, большей частью из небогатых боярских детей, утомленная дневным переходом, стала устраиваться на ночлег вокруг костров, под открытым небом. Понемногу замолкли голоса, вся поляна погрузилась в сон.

Не все, однако, спали в эту минуту. Около ближайшего к сторожке костра, шагах в десяти от двери, сидели четыре человека и тихо разговаривали между собой. Одежда всех четверых была богаче, чем у остальных челядинцев; для них на снегу были постланы кошмы, и по всему было видно, что это ближние княжеские люди. Между ними был и тот, который давеча указывал дорогу князьям на поляну. Он приходился дальним родственником боярину Старкову и вместе с ним приезжал из Москвы к князю Можайскому. Он был из числа тех выборных от боярских детей, о которых говорил боярин Можайскому.

Звали его Иваном Волком, и это прозвище как нельзя более подходило к нему. Лицо у Волка было постоянно угрюмое и нахмуренное, а маленькие косые глаза совершенно по-волчьи злобно смотрели исподлобья.

Двое других, старик и молодой, оба боярские дети, были стремянными князей Дмитрия и Ивана; четвертый – молодой боярский сын по прозвищу Бунко, родом рязанец – принадлежал к двору Можайского. Во время последнего похода против татар Бунко оказал какую-то услугу князю Ивану, и тот обладал его и наградил поместьем около Козельска...

Бунко и Волк лежали рядом на кошмах и только изредка вступали в разговор, который вели между собой княжеские стремянные.

Старик стремянный, которому все казалось холодно, подбросил несколько веток в огонь.

– Шибко морозит! – проговорил он, протягивая руки к самому огню. – Ровно и на февраль не похоже...

– У тебя все морозит, дядя Степан! – засмеялся молодой. – И летом, чай, в тулупе ходишь...

Старик, не говоря ни слова, подбросил еще ветку.

– Поживешь с мое, парень, сам такой же будешь... – добродушно заметил он. – И куда только тащимся мы, прости господи?

На этот вопрос никто ему не ответил. Старик не унимался.

– Волк, ты-то, чай, знаешь? – обратился он снова к проводнику.

Волк лежал, облокотившись на руку, и пристально смотрел в огонь; пламя костра отражалось в его желтых глазах, и они то и дело вспыхивали и светились совсем по-звериному.

– Дорогу-то, старина, знаешь, по коей шли? – насмешливо спросил он вместо ответа.

Старик немного рассердился.

– И впрямь волк ты, Иван, а не человек! – проговорил он. – Тебя по-божески спрашивают, а ты рычишь да огрызаешься... И где тебя нашел такого боярин твой?

– Родственники мы с ним, меня да его один поп крестил, – лениво отозвался Волк.

Молодой стремянный и Бунко засмеялись. Старик покачал головой:

– Ты говоришь: по какой дороге идем? Знамо – по Коломенской!.. А дорога в Москву ведет – в Москву, что ли, идем, Волк? Что тебе, аль сказать жалко?.. Все дни молчишь, как пень...

– В Москву, старик, в Москву! Это ты верно угадал, – таким же насмешливым тоном ответил Волк.

Старый стремянный что-то заворчал про себя и стал опять поправлять костер.

– Дядя Степан, а дядя Степан! – заговорил вдруг молодой стремянный, красивый парень в щеголеватом зеленом кафтане. – Коли на Москву идем, что ж мы словно тайно по дороге пробираемся?.. Неладно что-то... Оно правда, что у моего князя, Дмитрия Юрьевича, николи не узнаешь, куда едет, коли на коня сел. Кажись, не так что-то...

– Мели-мели, дурья голова! – сурово оборвал его Волк. – Хорошо твой князь делает, что про себя все держит. Вы бы подняли трезвон...

Разговор еще несколько времени продолжался в том же духе. Один только рязанец Бунко не принимал в нем никакого участия и, казалось, совершенно им не интересовался...

Но это только так казалось. На самом же деле неожиданный приезд Шемяки, а потом Старкова с товарищами сильно его занимали. Хитрый и догадливый рязанец всю неделю прислушивался и присматривался к тому, что говорилось и делалось на княжеском дворе. Но дворня Можайского сама ничего не понимала, а Волк, которого одного оставил боярин Старков, уехав в тот же день назад в Москву, был нем как рыба. На все вопросы и подходы он отделивался или молчанием, или бранью.

Бунко видел, что оба князя что-то затевают и что боярин Старков с ними в сговоре, но что именно, он все еще не мог догадаться.

Сегодняшний разговор пролил много света на его догадки.

Оба стремянных уже давно замолчали; заснул, казалось, и Волк.

Не спалось одному Бунко. Он несколько раз вставал, поправлял затухавшей костер, ложился снова на кошму, но заснуть не мог... В голову рязанца нахлынуло столько мыслей, что ему было не до сна.

«Дела! – думал Бунко. – По Коломенской дороге идем... на Москву. А зачем на Москву? Коли с добрым, так не ходят тайком – правду сказал парень. А Волк-то на него как окрысился! Видно, не по сердцу пришлось! Нет, тут доброго мало... Князь-то Дмитрий не из таких. Неужто Василия и впрямь согнать хотят?»

Бунко от такой мысли бросило в жар.

«И нашего князя сманил за собой!.. Видно, и впрямь так!»

И чем больше думал и сопоставлял рязанец все последние события, тем более убеждался в справедливости своего предположения.

«Ну, сгонят они Василия, – думал он дальше, – мой-то князь все ж ни при чем останется. Значит, и нам выгоды от того мало. Князь-то Дмитрий своих небось за собой потащит!.. А что коли упредить великого князя? – мелькнула смелая мысль в голове Бунко. – Упредить и уберечь? То-то наградит небось! Окольниковичим сделает, в думу посадит, землей без счета навестит!..»

Мысль гвоздем засела в голове рязанца. Он ворочался с боку на бок, вздыхал, несколько раз приподнимался и смотрел на своих товарищей...

Костер опять стал догорать; один только он и светился еще на поляне, остальные давно уже потухли.

Бунко приподнялся снова, хотел было подбросить в огонь ветку, но вдруг раздумал и швырнул ветку в сторону. Став на колени, рязанец заглянул по очереди в лица всех троих товарищей. Все они крепко спали.

Стараясь не делать шума, Бунко встал, перекрестился, шагнул в ту сторону, где были привязаны лошади, и скрылся в темноте.

Чтобы не разбудить кого из спавших и не поднять тревоги, рязанец стал пробираться по самой опушке поляны, от дерева к дереву. Он успел несколько раз споткнуться, разодрал себе о сучья в кровь лицо и руки, пока наконец добрался до коновязи.

Бунко дрожащими руками стал разматывать повод первой лошади, которую нащупал в темноте.

– Помоги, Господи! – прошептал он и взялся рукой за челку, чтобы вспрыгнуть на лошадь.

Бунко, однако, не успел этого сделать. Чья-то тяжелая рука схватила его за горло и повалила на землю.

– Ты куда, пес?! – раздался над ним в темноте тихий злобный шепот. – Бежать, упредить хочешь?

Рязанец узнал голос Волка и понял, что все пропало.

– Пусти, ошалел ты, что ли?! – задыхаясь, прохрипел он. – Лошадей смотрел я...

Волк отнял свою руку и злобно засмеялся.

– Лошадей, говоришь, смотрел? Ну ин ладно... Ступай-ка на свое место, а я здесь пока-раулю...

Рязанец с трудом поднялся с земли и молча поплелся на слабый огонек потухавшего костра. Теперь ему нечего было опасаться, и он шел напрямик, толкая и будя на ходу спящую челядь.

Бунко добрался до костра и, ругаясь про себя, снова улегся на кошму.

Через минуту вернулся и Волк. Он искоса взглянул на рязанца и усмехнулся:

– Ты, брат, не ходи уж боле... Не ровен час – рука у меня тяжелая... А о лошадях не тревожь себя: не украдут...

Бунко притворился спящим и ни слова не ответил Волку.

Тот усмехнулся еще раз и улегся с ним рядом. Каждый раз, когда вспыхивал догоравший костер, Бунко видел, как блестели глаза соседа.

«Не уйти от него! Всю ночь караулить будет!» – с досадой думал рязанец.

Словно в подтверждение его мыслей Волк вдруг поднялся и подбросил на уголья целую охапку сучьев. Потухавший костер задымил и через минуту разгорелся ярким пламенем.

– Слушай, ты! – произнес Волк, остановившись над Бунко и пренебрежительно толкая его носком сапога. – Не знаю, что у тебя на уме... а глядеть за тобой буду в оба – смотри не промахнись вдругорядь!

Бунко промолчал и на это.

На другой день оба князя, по привычке, проснулись рано. Узнав первым делом от челяди, что за ночь не было гонцов, князь Дмитрий нахмурился и сердито заходил взад и вперед по сторожке.

– Видно, не выехал еще Василий-то... Вот и нет вестей, – говорил ему в ответ Можайский, в глубине души сильно сомневавшийся в Старкове. – Не подвел бы нас под топор приятель-то твой, государь!

– Этого, князь, бояться нечего – не расчет ему! – уверенно возразил Дмитрий.

За верность Старкова по отношению к себе Шемяка действительно мог ручаться: их дружбу скрепляли обоюдные выгоды.

И Дмитрий не ошибся.

Часа в три на поляне показался на усталом коне вершник. На все вопросы челяди он отвечал одним требованием – немедленно провести его к князьям.

Челядинцы провели вершника в сторожку и, поклонившись, вышли.

– От боярина ты? От Старкова? – нетерпеливо спросил гонца Шемяка.

Гонец поклонился вторично князьям и тихо, почти шепотом заговорил:

– От него, от боярина Старкова, государь великий. А велел сказать боярин: Василий, дескать, уехал нынче, в седьмом часу утра, в обитель... Так ты бы, государь, поспешил и к ночи под Москвой был. У рязанских рогаток свои будут люди, тож и у Константиновских ворот. А у ворот, государь великий, спросят: кто, дескать? Так ты бы, государь, приказал людям своим сказать: «Государь, мол, и князь великий к себе жалует!» – Гонец замолк.

Дмитрий взволнованно прошелся по избышке. Князь Иван сидел грустный и сумрачный: очень уж не по душе ему было все это дело.

Через несколько минут по выходе гонца из сторожки вышел и князь Дмитрий – под предлогом, что ему надо чем-то распорядиться.

Шемяка обошел всех людей и велел им быть наготове. Проходя мимо гонца, он сделал ему незаметно от других знак рукой.

– Не велел тебе боярин еще о чем сказать мне? – спросил тихо Дмитрий, когда вершник, понявший его знак, подошел к нему под каким-то предлогом.

– Велел боярин сказать тебе, государь великий: поехал, мол, Василий, почитай, без охраны – всего с ним сорок человек... И еще велел: как войдешь в Васильевы палаты – забирал бы ты всех, от мала до велика, чтоб упредить Василия не могли... Да и бояр Васильевых тоже прикажи своим людям позабирать, только чтобы князь Иван раньше времени не знал о том...

Дмитрий кивнул и отошел от гонца.

«Не вырваться теперь тебе из моих рук, братец Василий! – с торжеством думал Шемяка, возвращаясь в сторожку. – Помудрил над нами – и будет! Все твои обиды припомним тебе!...»

Через полчаса поляна опустела.

Непотушенные костры еще кое-где курились, догорая; несколько ворон прыгали по снегу. Голодные птицы присматривались, не осталось ли чего им после неожиданных гостей...

Глава V. Москва-сирота

В десятом часу вечера к московским рогаткам со стороны Рязанской дороги подъехала большая толпа всадников. Несмотря на позднее время, ночным гостям пришлось ожидать недолго, и через несколько минут они уже двигались по улицам Москвы.

Москва давно уже крепко спала. Москвичи и не подозревали, какая опасность грозит их любимому великому князю...

Не то было бы, если бы кто из жителей увидал отряд. Загудел бы мигом набат на одной колокольне, потом на другой, и несдобровать бы тогда Васильевым недругам...

Но, на беду, никому и в голову не приходило выглянуть на улицу.

Всюду было тихо и безлюдно.

Отряд добрался до Константиновских ворот.

Воин, продолжавший служить проводником, слез с лошади и рукоятью плети несколько раз ударил в ворота.

Сейчас же – видно, все уже было готово к приему ночных гостей – в воротах открылось маленькое потайное оконце, мелькнул свет фонаря и чей-то голос спросил:

– Что за люди?..

– Государь и великий князь к себе жалует, – вполголоса ответил Волк.

Послышалось осторожное позвякивание цепей; тяжелые дубовые половинки, обитые железом, распахнулись, и всадники стали осторожно въезжать на кремлевский двор.

Шемяка, ехавший впереди вместе с князем Иваном, снял в воротах свою шапку и перекрестился; перекрестился и князь Иван.

– Помни, брат, что ты мне обещал, – проговорил глухим, встревоженным голосом Можайский, – пальцем не тронуть Василия и его семью...

– Помню-помню, волос не упадет с их голов, брат Иван! – изменившимся от волнения голосом ответил Дмитрий.

Подъехали шагом к золоченой решетке, окружавшей царский двор.

Ждали их, видно, и здесь. Волк тихо произнес несколько слов – и ворота решетки словно сами собой отворились.

Никто и не подумал слезть с коня, въезжая во двор: еще при въезде в Москву челяди было объявлено, что Василий больше-де не государь московский, что продал он, дескать, Русскую землю татарам, что за такое лихое дело надо его с места согнать, а на его место сядет, мол, Дмитрий Юрьевич.

Потому никто и не подумал оказать уважение великокняжескому двору.

А ведь еще сегодня знатнейшее князья и бояре, подъезжая ко двору, у решетки слезали с коней и вылезали из повозок и с непокрытыми головами шли к крыльцу царских хором...

Дмитрий вполголоса распорядился, чтобы челядь окружила все постройки и никого не выпускала.

У Красного крыльца они вместе с Можайским слезли с лошадей и осторожно поднялись на рундук; следом за князьями шло человек пятнадцать боярских детей с Волком во главе.

Вход в сени был заперт.

– Стучи, Волк! – приказал Шемяка.

Волк и нагайкой и кулаком забарабанил в дверь. Глухо и тревожно раздались эти удары в ночной тишине; на заднем дворе залаяла одна собака, за ней другая...

Волк, не стесняясь, продолжал стучать.

Сквозь разноцветные слюдяные окна с решетками мелькнул слабый огонь; за дверьми слышались шаги и испуганные голоса людей.

Не татарва ли опять тайком пробралась в Москву? Но нет, в окна не видно зарева, не слышно также и набата...

Что же могло случиться? Кто осмелился так нагло ворваться на великокняжеский двор и безобразно дерзко стучаться в царские хоромы?

Дворецкий Лука, бледный и испуганный, стоял с ключами в сенях и не знал, что ему делать. Десятка два челядинцев и жильцов, тоже все бледные и перепуганные, перешептывались друг с другом, боязливо поглядывая на двери.

– Беги-ка, Василий, – дрожащим голосом обратился Лука Петрович к одному из жильцов, – да постучись к матушке-царице. Пусть ее милость одевается скорее – добра-то не ждать уж тут... А ты, Степан, – обернулся дворецкий к другому, – снеси фонарей в тайник на случай...

Стук в двери не прекращался и даже усилился; теперь стучали как будто несколько человек.

Дворецкий перекрестился и открыл маленькое дверное оконце.

– Кто тут? – прерывающимся от страха голосом спросил старик.

В решетке оконца мелькнуло бородатое лицо Волка.

– Отворяй, Лука! – грубо крикнул он. – Государь и великий князь в свои хоромы жалуется!..

Пораженный дворецкий отшатнулся от двери. Выскользнувший из рук старика фонарь со звоном упал на пол...

– Что же это, господи? С нами крестная сила! – несвязно проговорил он, озираясь на толпу слуг.

Челядинцы тоже все помертвели от ужаса.

– Отворяй, что ли, черт старый! А то двери разобьем! – раздался снова с крыльца угрожающий голос Волка.

Один из великокняжеских челядинцев, статный парень из боярских детей, смело подошел к двери. Он был бледен, но, по-видимому, менее других поддался страху.

– Кто тут говорит, что государь и великий князь к себе жалуется? – твердо и громко переспросил он. – Государь и великий князь московский Василий Васильевич на отъезде ноне... Что вы за люди такие? – закончил он сурово. – Уходите, пока целы!.. Вернется государь – не пожалует вас за такие шутки...

– Отворяй, Захар, не ломайся! – прикрикнул снаружи на боярского сына Волк. – Не пужай больно, не малые ребята мы, чай, – насмешливо прибавил он, – да и врешь ты все: государь и великий князь московский, Дмитрий Юрьевич, здесь стоит и гневается... Будет ужо всем вам!..

– Братцы, да это Волк ведь старковский! – произнес пораженный Захар, обращаясь к остальным челядинцам.

Волка знал весь великокняжеский двор, да и он знал всех в лицо и по именам.

Старый дворецкий, сразу понявший из последних слов Волка, в чем дело, бессильно опустился на скамью. Перед его глазами в одно мгновение промелькнули все ужасы кровавого раздора между братьями.

Поняла все и челядь.

– Боярин, как бы не прогневить государя и великого князя Дмитрия Юрьевича! – умышленно громко, чтобы слышно было на крыльце, произнес один из жильцов. – Своя-то рубашка ближе к телу! – вполголоса добавил он в сторону товарищей.

Трусость и измена уже заползли в их сердца, и они только не решались еще громко высказать свое решение.

Лука Петрович сидел на лавке и, казалось, не слышал обращенных к нему слов.

Жилец поднял ключи, оброненные дворецким, и решительно шагнул к двери.

Но он не успел вложить ключ в замочную скважину. Боярский сын, разговаривавший с Волком, ловким движением вырвал у него связку ключей и, оттолкнув растерявшегося жильца, заслонил собой дверь.

– Изменники, предатели! – дрожащим от гнева голосом воскликнул он. – Как Иуда хотите предать своего царя! Кому вы крест целовали? Нет у вас другого государя и великого князя, кроме Василия Васильевича!

Пламенные, дышавшие негодованием слова Захара на минуту смутили челядь.

– Ишь ты какой верный выискался! – злобно засмеялся жилец, собиравшейся отпереть дверь. – Братцы, шерсть-то ведь с нас полетит!.. Что его, дурака, слушать!.. Скрутим ему руки, а государь Дмитрий Юрьевич услуги нашей не забудет!..

Эти слова решили все дело.

– И то, братцы, что на него, безмозглого, смотреть! – раздались голоса. – Встретим похорошему государю, нам же лучше будет!..

Вся челядь толпой двинулась к дверям.

Дворецкий Лука порывался было что-то сказать, но махнул рукой и остался на своем месте. По щекам старика покатались крупные слезы.

Челядь окружила Захара и попробовала уговорить его. Но боярский сын выхватил из-за сапога широкий нож и размахом руки заставил попятиться назад холопов.

– Зарежу! Подходи, предатели! – весь бледный, с горящими от гнева глазами, прикрикнул Захар. – Ужо вернется госу...

Парень не успел договорить. Тяжелая дубовая табуретка, ловко пущенная жильцом-предателем, острым углом попала в висок Захару. Боярский сын замертво повалился наземь.

Пока все это происходило в сенях, стук снаружи совершенно прекратился. Князь Дмитрий услышал сквозь оконце речи челяди и велел повременить выламывать дверь.

Холопы с униженными поклонами встретили Шемяку. Но Дмитрий, даже не кивнув никому, быстро пошел внутрь хором по знакомым ему переходам.

Отпирая дверь, холопы оттащили бездыханного Захара в сторону. Парень лежал у стены, широко раскинув руки. Алая кровь из разбитого виска тонкой струйкой стекала на пол.

Волк, проходя мимо Захара, со зверской усмешкой ударил острым носком сапога прямо в лицо верного слугу Василия.

– Пес ты Волк, право слово, пес! – укоризненно произнес старик-стремянный, шедший сзади.

Волк злобно захохотал.

Когда посланный дворецким слуга прибежал на половину великих княгинь, там царила полнейшая тишина. Обе княгини давно уже спали. Спали и младшие дети великого князя. Слуга торопливо разбудил одну из постельных боярынь.

– Буди, матушка, княгинь обеих скорее! – заговорил челядинец, когда боярыня наконец очнулась от крепкого сна. – Беда стряслась, лихие люди на государев двор напали!..

Боярыня дико вскрикнула и, как была неодетая, бросилась в опочивальню княгини Марьи.

Через несколько минут по всей женской половине замечались испуганные женщины. Не зная еще, что случилось, они уже голосили и причитали на весь дом. Княгиня Марья, схватив на руки обоих маленьких детей, с воплями ужаса бросалась то к одной, то к другой своей боярыне...

Старуха Софья, одна в этой суматохе сохранившая хладнокровие, успела кое-как одеться и войти в опочивальню невестки.

– Матушка, – вскрикнула княгиня Марья, бросаясь к старухе, – напали злодеи на государев двор! Пожгут и порежут нас всех! Ой-ой, Васенька, князь ты мой, на кого ты нас покинул!..

И княгиня заголосила еще пуще.

– Где Василий-то? – отрывисто спросила Софья о жильце, присланном дворецким.

– У дверей он, княгиня-матушка! – указала ей одна из плачущих боярынь.

Софья вышла в темный коридор.

– Что стряслось там, Василий? – спросила она жильца.

– И сами не знаем, княгиня-государыня! – ответил жилец. – Что ни на есть силы стучат в Красное крыльцо... Кому ж, кроме лихих людей, на такое решиться?..

Дело было необычное – стучать, да еще среди ночи, в хоромы великого князя!

Значит, действительно беда стряслась.

Старуха Софья быстро все сообразила и стала немедленно распоряжаться.

Она прикрикнула на растерявшихся боярынь, велела им одеться самим и одеть великую княгиню с детьми. Сама же поспешно отворила одну из укладок в своей опочивальне и вынула несколько изукрашенных ларцов. С ними в руках она снова вышла в коридор.

– Бери-ка, Василий, снеси скорей в тайник да приходи назад скорей... Великую княгиню с детьми поведешь!..

Жилец взял ларцы и скрылся в одном из переходов.

Старуха Софья между тем оделась окончательно сама и успела закутать невестку и внучат.

Через несколько минут вернулся Василий. В руках у него был слюдяной фонарь.

– Веди скорее! – встретила его Софья.

Плачущая княгиня Марья, мамка с детьми, боярыни и девушки, предводительствуемые жильцом, голая и причитая, стали спускаться по потайной лестнице в подклеть. Фонарь Василия сильно светил в темноте, и мрак еще более усиливал испуг и отчаяние женщин.

Княгиня Софья молча шла позади всех.

В подклети, заставленной сундуками и укладками, было холодно и сыро. Один из сундуков, казавшийся на вид чрезвычайно тяжелым, был сдвинут в сторону, и на его месте заияла открытая подполица. Здесь был тайник.

Василий с фонарем подошел к подполице и осветил первые ступени лестницы, уходившей, казалось, в темную бездну.

– Там уж ждут с фонарями холопы, княгиня-матушка! – проговорил он, помогая жене великого князя спуститься в тайник.

Когда все женщины скрылись из глаз, Василий захлопнул подполицу и без труда поставил на прежнее место сундук. Сундук на самом деле был пустой, да и сам по себе весил меньше других.

Василий направился на половину великого князя. Но он не успел пройти и двух горниц, как послышались тяжелые шаги и громкий говор.

«Они... вороги лихие!» – мелькнуло в голове жильца, и он, бросив фонарь, опрометью кинулся назад к потайной лестнице. Спустившись вниз в подклеть, Василий на ощупь добрался до знакомого сундука, поспешно сдвинул его с места и поднял затвор. Сойдя на несколько ступеней, жилец потянул веревку и захлопнул за собою подполицу...

В тайнике царил непроницаемый мрак.

Ощупывая руками и ногами ступени, Василий осторожно спустился на дно. Отсюда по направлению к берегу Москвы-реки шел длинный, узкий коридор. Кирпичные стенки и пол коридора были мокры от сырости.

Василий перекрестился и, держась руками за противоположные стенки, пошел по тайнику.

Когда Шемяка и Можайский с толпой слуг вошли на женскую половину дворца, там было все, по-видимому, тихо и спокойно. В передней горнице даже теплились лампы перед образами.

Волк, шедший впереди всех, первым вошел и в опочивальню молодой княгини. Он сразу заметил следы недавнего переполоха. Некоторые скрини были оставлены открытыми, на лавках и сундуках брошено в беспорядке разное платье...

Волк оглядел сразу все это своим острым взглядом и насмешливо свистнул.

– Улетели птички, государь великий! – тихо проговорил боярский сын, обращаясь к Шемяке, который в эту минуту вошел в горницу.

Князь Дмитрий досадливо повел плечами, и на его лбу показалась гневная складка.

– Далеко им не уйти... разыскать надо! – отрывисто проговорил он.

Князь Иван покачал головой, и на его лице выразилось неудовольствие.

– Оставь их, брат... какая тебе в них корысть? Пущай едут себе с Богом!... – попробовал он заступиться за обеих княгинь.

– Зла им делать не буду, крест целовал, а найти надо... придержать, пока все не кончится! – упрямо возразил Дмитрий. – И куда им уйти? В тайник разве?..

Можайский, не возражая больше, вздохнул и сел на ближнюю лавку, покрытую узорным ковром.

Рябой и высокий холоп – тот самый, который пустил скамейкой в голову верному Захару, – при последних словах князя Дмитрия выступил из толпы слуг.

– Государь великий! – проговорил холоп, кланяясь земно. – Прикажи, пожалуй, обыскать тайник! Бегал я в подклеть – видать, что туда ушли...

Действительно, Василий, проводивший княгинь, а потом и сам спустившийся в тайник, второпях не притворил за собой дверь, ведущую в подклеть; а в самой подклети пустой сундук, сдвинутый со своего места, позволял сразу увидеть вход в тайник.

Князь Дмитрий, хотя и бывал много раз во дворце брата, но не знал, где устроен тайник. От Юрьевичей, конечно, это тщательно скрывалось, и такая предосторожность была вполне понятна по отношению к брату – закланному врагу.

Шемяка немедленно велел рябому холопу указать ход в подклеть. Через минуту он был уже внизу и при свете фонарей осматривал потайной выход.

Князь Иван не пошел за братом и остался ожидать его наверху. У него было совсем нехорошо на душе.

«Ночью... как разбойники, напали на семью брата и государя, – думал он. – Грех великий... А как же быть, коли без этого нельзя? Не отдавать же и впрямь татарам Москву?!» – сейчас же возразил он сам себе.

Он сознавал необходимость своего поступка, но обстановка, при которой все совершалось, действовала на князя Ивана удручающе.

Между тем внизу, в подклети, по приказанию князя Дмитрия слуги подняли тяжелую подполицу. Из желтой ямы опять пахнуло сыростью и холодом...

– Куда выходит тайник? – спросил Шемяка у рябого холопа.

– На самую реку, на берег выходит, государь великий! – подобострастно кланяясь, ответил холоп.

– Еще есть ход, государь великий! – выступил из толпы слуг другой холоп, хотевший тоже выслужиться перед новым великим князем.

Дмитрий вопросительно взглянул на говорившего.

– Один ход точно ведет на берег, государь великий, – продолжал холоп, – и другой есть, боковой, тот в башню выходит...

Шемяка сейчас же велел Волку с несколькими боярскими детьми обыскать подземелье.

– Не худо бы и на реку людей послать, государь великий! – посоветовал Волк. – Мы отсюда, а другие там бы перехватили... Так-то оно вернее будет.

Шемяка одобрил этот совет и отдал соответствующее распоряжение.

Посмотрим теперь, что случилось с обеими княгинями и их спутницами.

Как и сказал княгиням Василий, в тайнике их уже ожидали с фонарями двое холопов, посланных туда с самого начала дворецким Лукой.

Испуганные и трепещущие женщины торопливо шли несколько минут по сырому коридору. Над их головами то и дело с шорохом и писком проносились потревоженные неожиданными гостями летучие мыши; своими когтистыми крыльями отвратительные создания задевали беглянок по лицу, цеплялись за их одежды и только еще более усиливали испуг бедных женщин...

Пройдя сажень пятьдесят, холопы вдруг остановились.

– В башню али на берег прикажешь, государыня-княгиня? – спросил один из них у жены великого князя.

Княгиня Марья беспомощно взглянула на свекровь.

– В башню веди... там верней будет! – быстро решила старуха.

В этом месте тайник разветвлялся. Холопы поправили фонари и свернули в боковой проход. Через несколько минут коридор кончился. При слабом свете фонарей из темноты выступили первые ступени каменной лестницы, уходящей вверх.

– Идите откройте сперва подполицу... а потом назад спуститесь. Мы здесь обождем! – приказала слугам княгиня Софья.

Холопы поднялись на первые ступени, и через минуту свет их фонарей уже слабо маячил в высоте над головами беглянок.

– Отворяют... сейчас за нами вернутся! – проговорила одна из боярынь, прислушиваясь.

Сверху действительно донесся глухой стук. Он несколько раз прекращался и затем возобновлялся опять. Так продолжалось несколько минут.

«Заперта подполица снаружи, а в башне никого нет на стороже!» – мелькнула зловещая мысль в голове княгини Софьи.

Как бы в подтверждение ее догадки стук наверху прекратился. Красные точки фонарей замелькали ближе, послышались шаги возвращавшихся обратно слуг.

– Государыня-княгиня! – заговорили они в один голос. – Беда! Заперта подполица, а в башне никого нет...

– Может, разбить можно? – отрывисто спросила Софья.

– Да чем же, государыня? – растерянно ответил один из холопов. – Голыми руками не разобьешь... а мы и топора с собой не захватили!..

– Ведите назад, на берег, – сразу решила Софья, – авось там выберемся...

Холопы быстро пошли вперед.

До выхода на берег нужно было пройти еще сажень шестьдесят.

– Слышь-ка, Семен, – обратился один из слуг к своему товарищу, – а ну как и там закрыто?

Тот только вздохнул и покачал головой.

В эту минуту перед ними словно из земли вырос Василий. Слуги в полутьме даже сразу его не признали и в испуге остановились.

– Да это ты, Василий? – произнес наконец один из холопов, поднося фонарь к самому лицу боярского сына.

– Я, ребята... Что только наверху деется! – в ужасе проговорил Василий. – Чуть было не наскочил на злодеев, да убежать успел...

И боярский сын, волнуясь, стал рассказывать, что произошло после того, как он поднялся наверх.

Шествие тронулось дальше.

Пол коридора стал заметно понижаться. Еще труднее стало идти по скользким кирпичным плитам.

– Ну, Господи, благослови! – проговорил один из холопов, когда свет фонаря упал на низкую дубовую дверь.

Дверь была так узка, что двоим пройти ее одновременно казалось невозможным.

Дверь была заперта массивным железным засовом. Василий с товарищами втроем, и то с большими усилиями, отодвинули заржавевшее железо. Дверь отворялась внутрь. Но как ее ни дергали слуги – она не поддавалась, словно приросла к притолоке и стенам коридора.

– Примерзла со всех сторон! – с отчаянием проговорил Василий. – А ну, еще попробуем, ребята! – И он, напрягая все свои силы, потянул за дверную скобку.

Дверь наконец дрогнула и поддалась.

Но за дверью беглецов опять подстерегала беда. Оказалось, что выход вплотную занесен снегом.

Когда дверь была открыта, Василия и его товарищей осыпала целая туча снежной пыли. За дверью была целая снежная стена.

Василий и его товарищи стали пробивать выход.

Слежавшаяся у двери снежная поверхность была тверда, и ее приходилось сначала прямо разбивать. Дальше дело, однако, пошло легче.

Женщины тревожно, с выражением ужаса и отчаяния на лицах, следили за работой слуг. Княгиня Марья, поникнув головой на плечо к одной из своих боярынь, тихо всхлипывала. Старуха Софья стояла молча, сурово сдвинув свои густые, еще темные брови.

После нескольких минут тяжелой работы Василий, весь в снегу, издал радостное восклицание.

– Насквозь достал, братцы! – крикнул он. – Скоро и проползти можно будет!..

Среди женщин послышались вздохи облегчения. Княгиня Софья медленно перекрестилась.

Еще несколько ударов, несколько усилий – и они спасены.

Вдруг с противоположной стороны тайника послышался какой-то шум.

– Никак погоня за нами, Царица Небесная! – в ужасе воскликнула одна из боярынь. – Идут, идут злодеи!..

Сажень в двадцати действительно замелькали фонари и послышались голоса.

Княгиня Софья, схватив на руки маленьких внучат, первая бросилась к вырытому слугами в снегу отверстию. Но проход еще был настолько мал, что даже ползком невозможно было сквозь него пробраться.

Да было и поздно.

Волк и его товарищи уже заметили беглецов.

– Держи, ребята, уйти хотят! – крикнул он, бросаясь на Василия.

Завязалась борьба. Она была непродолжительна. Здоровый Волк и его четверо товарищей в минуту оттеснили от дверей Василия и двух других слуг и скрутили им руки.

Княгиня Марья и одна из ее боярынь от страха лишились чувств; другие женщины, громко крича, бросились было назад по коридору, но Волк грубо преградил им дорогу.

Спасения не было.

Волк дерзко прикрикнул на плачущих женщин и повел их назад. Княгиня Марья так ослабела, что ее пришлось нести на руках.

Князь Дмитрий, отправив слуг в тайник, не поднялся наверх, а остался ожидать их возвращения в подклети. Он присел на сдвинутый со своего места сундук и оглянулся кругом. Вынутые из фонарей свечи скупо освещали подклеть, заставленную по стенам доверху сундуками, укладками и скрынями. Были тут и простые, дубовые; были окованные сплошь железом, с тяжелыми замками.

Шемяка попробовал было сдвинуть с места один из таких сундуков, но сундук был так тяжел, что князю не удалось его даже и качнуть.

– Насобираю добра брат Василий! – с нехорошей усмешкой проговорил князь, садясь на прежнее место. – Коли и еще раз заплатил бы окуп татарам, жирен бы еще остался!..

Дмитрий был в подклети один.

При виде богатств Василия, его спокойного и привольного житья Дмитрию вспомнились все собственные мытарства и неудачи. И опять в его озлобленной душе вспыхнула ненависть к брату и жажда мщения.

– Князь Иван говорит: «Не пойду я на кровь!» – громко проговорил он, как бы с кем рассуждая. – И я на кровь не пойду!.. А только свету тебе не видать более, брат Василий!..

Из открытой подполицы послышался шум голосов.

Князь Дмитрий заглянул вниз. Там во мраке мерцали и колебались красные точки фонарей.

Через минуту из подполицы показалась толпа вместе с Волком.

– Нашли? – с беспокойством обратился к нему Шемяка.

– Ведем, государь великий! – нагло улыбнулся боярский сын. – Постарались для твоей княжеской милости!.. Позамешкались бабы немножко: княгиню-то Марью волоком волокут, обмерла, вишь, со страха.

Из подполицы между тем показалась высокая фигура княгини Софьи. Старуха держала на руках своего любимого внука. Она уже успела сообразить все и решила, как ей надо будет поступать.

– Привел Господь Бог опять встретиться, княгиня-тетушка! – не вставая с места, бросил ей Дмитрий. – Авось теперь-то поменьше спеси в тебе будет!..

Старуха не ответила ни слова и только посмотрела на племянника. Но в этот мимолетный свой взгляд она вложила столько пренебрежения и презрения, что князя всего передернуло.

Вслед за Софьей почти сейчас же выбрались из тайника боярыни и княгиня Марья; супруга великого князя все еще находилась в обморочном состоянии. Ее почти на руках вынесли из подземелья.

– Отвести их всех наверх в горницы – пусть там остаются пока! – распорядился Дмитрий. – Да караулить хорошенько, а то опять сбегут!..

– С бабами на рать вышел, племянничек? – сквозь зубы насмешливо кинула ему Софья.

Черные глаза Дмитрия вспыхнули. Он сделал было шаг в сторону к тетке, но сдержался и только пренебрежительно махнул рукой.

– Ведите их! – произнес он, отворачиваясь.

Измученные, полуживые от всего пережитого ужаса, вернулись женщины в свои горницы. Княгиню Марью и детей сейчас же уложили. Старуха Софья спать не легла. Она села у окна в горнице невестки и глубоко задумалась.

А на другой половине дворца, в главных сенях, слышались чьи-то заглушенные рыдания. Дворецкий Лука сидел на лавке, плакал и стонал.

– Господи боже мой, – повторял в сотый раз старик, покачивая уныло своей седой головой, – говорил ведь я: быть худу, коли вороноград над крышей!..

Только одна эта мысль и осталась теперь в голове старика. Остальное все в ней смешалось и перепуталось.

Глава VI. Воронье налетало

Грустно и уныло на женской половине Васильева дворца. Молодые и старые боярыни, мамушки и санные девушки плачут в один голос, окружив постель великой княгини Марьи. А великая княгиня, уткнувшись лицом в подушки, глухо и однообразно стонет. Слез у нее больше нет. Выплакала все уже, бедная. У окна по-прежнему сидит, опустив голову на руки, старуха Софья. Она одна не плачет. Она думает о том, как ей известить сына и государя Василия о неожиданной лихой беде.

А из окна глядит на нее черная зимняя ночь. До рассвета еще далеко.

Старуха вздохнула и поднялась со своего места.

Боярыни и мамушки расступились и дали пройти Софье к постели великой княгини Марьи.

– Полно вам выть-то! – сурово бросила боярыням Софья. – И так в ней душа еле держится!..

Сказав это, мать великого князя тронула за плечо невестку.

– Не надрывай себя, Марыюшка, – произнесла она, смягчая насколько возможно свой голос, – авось еще Бог смилуется над нами!..

Но княгиню Марью было невозможно утешить. Она лежала, вздрагивая всем телом и испуская по-прежнему глухие и бессловесные стоны.

Софья покачала головой и пошла ко дверям терема.

«Как известить Василия?»

Великая княгиня заглянула в следующую горницу.

Там сидели несколько человек боярских детей. Им приказано было Дмитрием зорко караулить пленниц.

Софья оглядела их всех и опять вздохнула. Все были чужие, незнакомые ей люди.

Не станет же Дмитрий приставлять караул к ним из Васильевых слуг!

А сторожа, боярские дети, даже и не встали, когда вошла к ним мать Василия.

Старуха понурила свою гордую голову и с отчаянием и гневом в сердце вернулась в опочивальню невестки.

А в это время на другой половине дворца Дмитрий расположился и распоряжался, как у себя дома.

Захватил он мать и жену брата Василия. Захватил младших детей. Зато сам Василий на свободе; еще все его считают государем и великим князем. А что, если вдруг да не удастся его захватить? Что будет тогда? Придется бежать, и бежать с позором.

И вот Дмитрий на всякий случай приказал принести к себе все ларцы и укладки, где хранились драгоценности брата.

Побежали отыскивать дворецкого Луку. Но старик ничего не понимал. На все вопросы он только бессмысленно качал головой и недоумевающе разводил руками. Не то притворялся старик, не то в самом деле ума лишился...

Потормошили его да и бросили.

Побежали к новому государю и великому князю слуги и доложили, что не говорит старик ничего. Скрывает, мол, где все спрятано.

– Уж мы его и так и сяк донимали – молчит, только головой мотает! Коли прикажешь, государь великий, мы и без него все отыщем! – говорили холопы.

И вот все перерыли услужливые Васильевы холопы в государевых горницах; в комнату, где сидел государь Дмитрий Юрьевич, натащили целую кучу всяких ларцов, утвари золотой и серебряной, целую гору шуб и кафтанов на драгоценных мехах.

Не было ключей – разбили ларцы и укладки.

Жемчуг, яхонты, алмазы брызнули миллионами искр перед глазами Дмитрия.

Перстни дорогие, запоны и обниси, пояса тяжелые – всего было вдосталь.

Все приказал новый государь и великий князь ссыпать в один сундук. Удобнее так увезти можно было.

Много казны накопили отец и деды Василия! Одних кубков золотых, судков таких же, да блюдец, да солониц насчитали более двухсот!..

Мелкую посуду – ножи, ложки, вилки двузубые, ендовы в две-три гривенки весом – ссыпали в сундуки, не считая.

Платья всякого тоже немало набралось. Шуб дорогих – собольих, на чернобурой лисице, на красивом горностае – до пятидесяти оказалось.

Кафтанов из обьяри, из алтабаса и зарбева, с нашивками, с пуговицами золотыми, с кружевом таким же, с камнями да жемчугом наташили холопы целую гору.

Было чем поживиться великому князю Дмитрий Юрьевичу.

Во дворец между тем прибыли боярин Старков, да Никитиных двое, да Друцкой князь Семен и другие, кто держал сторону двоюродного брата Василия.

Все они, как приехали, поцеловали крест новому государю.

– Будем за тебя грудью стоять, государь и великий князь московский Дмитрий Юрьевич! Дай тебе Бог благополучного и долгого княжения! – говорили бояре, подходя один за другим и целуя руку Дмитрия.

После того как к кресту все приложились, боярин Старков да Друцкой подошли вдвоем к государю.

– Государь великий! – произнес Старков. – А мы уж от себя, не во гнев твоей милости, распорядились обо всем. Мои да князевы людишки, пока ты здесь управлялся, кое-кого из воров твоих позабавали.

– Кого да кого? – быстро спросил Дмитрий.

– Ряполовских троих, Семенова, Кошку с сыном.

Хитрый старик действительно не потратил даром времени. Лишь только ему дали знать, что Дмитрий и Можайский успели пробраться благополучно в Кремль и заняли дворец, Старков сейчас же начал действовать и сам. Толпа его и князя Друцкого челядинцев, вооруженных с ног до головы, оцепила по очереди дворы бояр, известных как приверженцев Василия.

Сонных холопов боярских перевязали без труда, а кто сопротивляться вздумал – тех и приканчивали на месте.

Без шума и без тревоги обделали все дело люди Старкова и Друцкого.

Бояр забрали.

Обходя боярские дворы, заглянули часом людишки Старкова и к торговым людям. Выбрали только, кто был позажиточнее, чтобы не даром время потратить.

И здесь удалось без шума дело сделать.

А Москва спала и не подозревала, какие дела творятся в самом ее сердце в эту глухую зимнюю ночь.

Спали москвичи крепко и не знали, что наутро, когда проснутся, не будет у них больше их великого князя Василия Васильевича. Будет другой, пришлый и нелюбимый, хотя того же великокняжеского рода.

Обнял великий князь Дмитрий Юрьевич боярина Старкова и князя Друцкого за такую их верность и попечение, расцеловал и пообещал век не забыть их услуг.

– Из бояр да из духовенства нет более у тебя пока врагов, государь великий! – заговорил снова Старков. – Только думаем мы с князем, надо твоей княжеской милости поторапливаться: упустишь время – не вернешь потом.

– Я было думал до утра обождать, объявить обо всем народу, а там и за Василием ехать, – отозвался задумчиво Дмитрий.

Старков и Друцкой горячо запротестовали:

– И не думай того, государь! На Москве мы сами останемся, поутру объявим все – противиться некому будет. А ты с князем Иваном не мешкая в обитель отправляйся и там все устраивай.

– А с матерью да женой Василия как быть? Боюсь оставлять их.

– И не надо оставлять! – подхватил князь Друцкой. – Вели их усадить в колымагу да и вези за собой. Оно вернее будет так-то, государь великий!..

Дмитрий подумал и согласился со своими благожелателями.

Опять, как и третьего дня, на дворе, позади Васильевых хором, закипела работа. Вывели всех оставшихся лошадей. Вытащили все, какие были, колымаги, каптаны, пошевни и простые розвальни.

Все их верхом наложили добром Васильевым. Часа два, почитай, носили из дворца сундуки, укладки, ворохи шуб и платья. Жильцы, боярские дети и челядинцы Васильевы работали не покладая рук: очень уж всем хотелось выслужиться перед новым государем.

Никому и в голову не приходило пробраться тайком из дворца, ударить в набат на первой колокольне и поднять на ноги сонную Москву.

Да если бы и пришло – не удалось бы, пожалуй.

Челядь Шемяки и Можайского да людишки Старкова и Друцкого окружили вплотную весь государев двор. Трудно бы было пробраться смельчаку.

Приготовили каптану и для великих княгинь с детьми.

Осмотрел все Дмитрий, велел готовиться людям к отъезду и сам пошел на женскую половину дворца.

Старуха Софья сидела у постели невестки, когда в горницу вошел племянник.

Княгиня Марья совсем занемогла, утомленная долгими рыданиями. В горнице было тихо.

– Вели одеть детей да и сами одевайтесь! Сейчас с собой повезу вас! – повелительно обратился Дмитрий к тетке.

– Боишься на Москве-то, видно, оставить? – насмешливо ответила ему Софья. – Погоди, будет и тебе праздник.

Дмитрий махнул рукой и вышел из опочивальни.

По уходе племянника старая княгиня разбудила боярынь, уснувших, как пришлось, по лавкам. Как всегда, не торопясь и спокойно, отдала старуха все нужные приказания.

– Мать и Царица Небесная, да куда же это повезут-то нас, государыня? – всплеснула руками та самая молодая боярыня, что вечер напугала всех, когда прибежала и рассказала о дурной примете.

– Ну, ты-то, пожалуй, и здесь останешься. Не бойся очень. Одевай великую княгиню скорей!.. – прикрикнула на боярыню Софья.

Умная старуха уже отчасти освоилась со своим новым положением пленницы Дмитрия. Она прекрасно осознавала, что сопротивление с ее стороны ни к чему не поведет, а только излишне раздражит племянника. Понимала, что и оставить их на свободе для Дмитрия было невозможным делом.

Заохали и хлопотали опять боярыни и девушки. Бедную княгиню Марью едва на ноги подняли. Пережитые волнения и слезы так ее обессилили, что она, казалось, перестала на время понимать, что вокруг нее происходит.

– Везет нас Дмитрий за собой куда-то!.. – пояснила ей свекровь, когда Марья приподнялась наконец на постели.

Марья только тупо посмотрела на старуху и ничего ей не ответила. Боярыни со слезами и причитаниями стали ее одевать, а она сидела неподвижная и беспомощная. Редкие слезы катились по ее щекам.

Наконец ее одели. Одели и закутали и обоих детей Василия.

Все соображавшая и не терявшаяся Софья послала к племяннику спросить, скольких боярынь им можно взять с собой.

Посланная через минуту вернулась.

– Велел он тебе, государыня-княгиня, сказать, чтоб не брала ты больше как четверых. «Скажи, – говорит, – тетке-княгине: некогда мне с вами возиться. Пусть усаживаться идут, сейчас поедем!» – охая, передавала боярыня слова Дмитрия. – И такой-то он страшный да злоющий, словно ворон черный! – добавила она.

Сравнение с вороном вывело из оцепенения княгиню Марью. Она как будто сразу все вспомнила и опять разразилась на всю горницу громкими, неудержимыми рыданиями.

– Не послушался ты меня, князь ты мой ненаглядный! Налетело на нас воронье черное, заклевало нас, сирот твоих горьких!.. – причитала она между рыданиями.

– Ведите великую княгиню! – распорядилась Софья и, сняв один из образов со стены, сама твердо пошла впереди.

За нею две боярыни повели под руки плачущую Марью. Две другие мамушки несли на руках ребятишек.

Остававшиеся боярыни, мамушки и девушки, плача и причитая, пошли провожать до двора обеих княгинь.

На дворе уже все было готово к отъезду.

Опять отворились ворота золоченой решетки Васильева двора.

Только не добрых гостей они выпускали на этот раз. Не с добром эти гости приезжали, не на доброе и теперь ехали.

На царском дворе остались только холопы Старкова и Друцкого. Надо было еще до утра покараулить, чтобы не поднял кто переполоха на Москве.

Опустели царские горницы. Двери повсюду открыты настежь, со столов сдернуты дорогие скатерти, на стенах не видать икон в золоте и камнях. В опочивальне Василия все вверх дном поставлено, все перерыто и разбросано. На полу валяется несколько кафтанов дорогих, шапки меховые. На столе, где третьего дня беседовал великий князь с митрополитом Ионой, рассыпан мелкий жемчуг.

Разрыта постель Василия – и ее не пощадили холопы, усердно разыскивая для Дмитрия спрятанные драгоценности.

Две восковые свечи догорают на столе. При их мерцающем свете картина разрушения и грабежа выглядит еще безотраднее.

Разбитые ларцы и скрыни, разорванные одежды... Вон валяется на полу старая икона с потемневшим ликом. Ризы на ней нет: кто-то кощунственной рукой надругался над святыней.

Словно ураган пронесся над великокняжескими хоромами, перебил, переломал, перепортил все и унесся дальше.

Словно хищники-татары побывали в этих горницах, только они так умели хозяйничать.

Не видать никого и из челяди. Всех почти забрал с собой Дмитрий. А тех, кто не хотел было ехать, связали да по конюшням рассадили.

Вернется, мол, завтра государь и великий князь Дмитрий Юрьевич к себе во дворец из обители – пусть полюбуется верными слугами.

Только немного было таких.

Вернее всех оказался боярский сын Захар, да и тот теперь не мог бы побежать да поднять тревогу. Лежал он на заднем дворе, прямо на снегу, давно уже безмолвный и недвижимый.

Как съехал со двора поезд Дмитрия да затихло все вдали, людишки Старкова да Друцкого в свою очередь пробрались в царские покои.

И на их долю пришлось немало из того, что было брошено или не замечено.

Ночь подходила к концу.

В восьмом часу утра, только что рассвело, на всех колокольнях кремлевских церквей и соборов ударили в набат.

Тревожно и жутко прозвучали в воздухе первые удары.

Раз... раз... раз...

Бояре Старков, Друцкой, Никитин и другие созывали народ на Красную площадь.

Проспали москвичи своего великого князя.

Раз... раз... раз...

Москва заволновалась.

Разное толковали жители, но никак еще не могли догадаться, в чем дело.

А кремлевские колокола гудят не переставая.

Раз... раз... раз...

Тревогой и смутой запахло в воздухе.

Через час, уже после того как ударили в набат, вся Красная площадь была занята волнующимся морем голов.

Все чего-то ждут, волнуются и гомонят.

Гул смешанных голосов висит над площадью.

Но вот толпа колыхнулась, раздалась и пропустила нескольких бояр в богатых одеждах, ехавших верхом. Бояре, в высоких шапках, ехали медленным и спокойным шагом. Конюхи вели под уздцы боярских лошадей, вычурно убранных и изукрашенных.

– Старков боярин!.. Никитиных двое!.. Друцкой князь! – слышалось кругом.

Бояре слезли с коней у Лобного места. Медленной и важной поступью поднялись они по каменным ступеням. Площадь затихла.

– Говори ты, князь! – шепнул Старков князю Друцкому, идя с ним рядом. – У меня, знаешь чай, голоса не хватит.

Лукавый старик и здесь постарался спрятаться за спину товарищей.

Князь Друцкой, высокий и плотный боярин, чуть-чуть приподнял свою меховую шапку и слегка поклонился на все стороны народу.

Спесивы были бояре московские!

Да и чернь свою они хорошо знали: всю жизнь она перед богатыми да знатными голову свою гнула – ей бы самой в диковину показался иной поклон боярина.

– Бояре и дети боярские, жильцы и иных званий люди московские! – раздался на всю площадь звучный голос князя Друцкого. – Ведомо всем вам, что государь и великий князь московский Василий Васильевич вернулся из плена татарского больной и удрученный. А как вернулся, со дня на день ему становилось все хуже и хуже. Ноне совсем немоготу ему стало заниматься делами своими, государевыми и земскими. Да и как больному и немощному справиться со всей землей?! И надумал он вместе с нами, верными его боярами, передать свое княжение. А кому он передаст?.. Старший сын, Иван, сами знаете, не в летах, ребенок совсем.

– Ивану, Ивану княжить! Больше некому, как ему! – раздалось в ближайших к Лобному месту рядах народа.

Задние подхватили, и через минуту вся площадь выкрикивала имя старшего сына Василия.

Никакого другого имени не было слышно.

Друцкой снова приподнял свою шапку и дал понять, что хочет говорить дальше.

Волнение понемногу улеглось.

– Люди московские! Государь и великий князь Василий Васильевич с братьями своими и с нами, боярами, решили иное! – заговорил Друцкой. – Лепо ли было бы дать княжение ребенку? Земля наша велика, времена стоят трудные и опасные, того и гляди опять татары, а не то Литва поднимется. Не ребенку, а мужу зрелому, доблестному и храброму возможно только управиться в такое время! Кого же было выбрать, кому было передать княжение?

На этом месте Друцкой умышленно остановился и обвел глазами площадь.

Народ недоумевал. Ходили, правда, слухи, что великий князь московский вернулся из плена больной, но о том, что он совсем плох, не слышал никто.

– Люди московские! – раздался опять голос князя. – Из всех братьев великокняжеских всех достойнее место государево занять князь Дмитрий Юрьевич Шемяка. Ему и уступил свое княжение государь и великий князь Василий Васильевич. А сам государь Василий до выздоровления отъехал в святую Троицкую обитель. Туда же ноне отправился и государь и великий князь Дмитрий Юрьевич. Люди московские! Сегодня во всех церквях и соборах целуйте крест новому своему государю и великому князю! А государь вас жалует: на его дворе для людей всякого звания ноне и завтра вино и угощение будет выставлено. Да еще государь великий вас жалует гривной на брата!..

Может быть, не так бы легко для бояр сошла их измена, если бы лукавый Друцкой не пустил в ход последнее средство. А средство это оказалось действеннее всяких рассуждений и слов.

Шумя и галдя, повалила московская голытьба на Шемякин двор. Люди разумные и с достатком покачивали головами. Не поверили они боярским льстивым и хитрым словам. Чували, что не так устроилось все это.

– Не добром уступил Василий место своему брату!..

Так рассуждали солидные и степенные люди. А голытьба – голодная и оборванная – рассуждала иначе, да и сильнее была!..

Что ей было за дело, почему Василий уступил место брату, почему не сел на отцовский стол молодой князь Иван? Какое ей было до всего этого дело, если государь и великий князь Дмитрий Юрьевич не скупится и их, несчастеньких, жалует?

Закрутила голытьба всю на просторном дворе Юрьевичей, на Варварке. Только и делали холопы, что бочки из погребов выкатывали. Забыли за вином пьяницы и ярыги даже то, какие великие дни стоят.

За гривну да за несколько ковшей браги и водки пропили москвичи своего великого князя!..

Глава VII. Бунко

С той самой ночи, как узнал Бунко, зачем шли в Москву князь Дмитрий и князь Иван, мысль предупредить обо всем великого князя Василия и тем заслужить его милость не давала покоя рязанцу.

Однако ему при всем его старании ни на минуту не удавалось остаться одному. Зоркие глаза Волка встречали его всюду, куда бы он ни повернулся.

Когда они еще ехали в Москву, Волк ехал с ним рядом всю дорогу. Попытался было раз Бунко замешаться в толпу всадников – Волк схватил за поводья его лошадь.

– Куда ты? – сверкнул он глазами на рязанца. – Слышь, Бунко, не дури!.. Хоть и не говоришь, что у тебя на уме, по глазам вижу! Доложу государю великому – мигом тебя на осину вздернут!..

Бунко опять покорился и всю остальную дорогу не возобновлял попытки.

«Может, дальше как-никак удастся убежать от этого пса!» – утешал он себя надеждой, с ненавистью поглядывая на ехавшего рядом Волка.

Вошли в Москву, добрались до Кремля, но и здесь невозможно было обмануть бдительность старковского холопа.

А кроме того, как заметил Бунко, за ним следили и еще несколько человек. Видно, Волк и их подучил и предупредил.

В великокняжеских палатах, несмотря даже на суматоху, которая царила там все время, ему тоже никак не удалось ускользнуть из-под этого надзора.

А между тем ему случилось подслушать такие слова, от которых Бунко бросило в жар и холод. Страшная опасность угрожала великому князю Василию!..

Когда Дмитрий послал Волка с товарищами в тайник, Бунко остался наверху, в подклети.

Князь Дмитрий велел ему и другим, бывшим в подклети, подняться наверх.

– Придете, как позову, – сказал Шемяка, – а пока ступайте в терем.

Князю, вероятно, хотелось несколько минут побыть одному.

Бунко с товарищами поднялся по лестнице в горницы.

– Бунко, – обратился к нему княжеский стремянный, – обожди здесь на лестнице, может, князь позовет. А тогда и нам скажешь.

Рязанец снова спустился до половины лестницы и сел в темноте на ступеньках.

Он видел отсюда князя и мог бы легко его услышать, если бы даже тот позвал даже не особенно громко.

Первые слова, произнесенные Дмитрием, ясно долетели до рязанца. Бунко, услышав имя великого князя Василия, вздрогнул и наострил уши.

А князь Дмитрий, предвкушая близкую месть, произнес несколько горячих фраз, совершенно не подозревая, что его подслушивают.

«Собирается ослепить брата! Ой, господи!» – ужаснулся про себя рязанец.

В эту минуту из подполицы выбрался Волк. Бунко поспешил подняться наверх, в терем.

Мимо него через несколько минут прошли плачущие женщины. Княгиня Марья едва держалась на ногах. Две боярыни ее бережно поддерживали.

Потом Бунко и еще четверых приставили караулить княгиню с детьми.

Ему страстно хотелось шепнуть им, что он постарается предупредить великого князя. Страшная участь, ожидавшая Василия, тронула даже не особенно мягкое сердце боярского сына.

Бунко стал выжидать удобного момента.

Случай наконец представился.

Князь Дмитрий прошел в опочивальню княгини Марьи. Оттуда сейчас же слышался его громкий, повелительный голос.

Дмитрий вышел.

Княгини и боярыни немного позамешкались.

– Торопить бы баб надо!.. – равнодушным голосом обратился Бунко к своим товарищам и, не ожидая ответа, направился к дверям опочивальни.

Он заглянул в терем.

У самой двери старая княгиня Софья заботливо укутывала одного из своих маленьких внуков.

– Поживей, боярыня, – умышленно громко обратился Бунко к старухе, – государь гневаться будет!..

Княгиня Софья подняла глаза и посмотрела на рязанца.

– Государыня-матушка, – прошептал Бунко, делая к ней шаг и подавая ей знак рукою, – не убивайтесь: упрежу великого князя!..

Княгиня Софья быстро кивнула. Рязанец вышел из горницы.

– Копаются бабы, чтоб им!.. – произнес он, зевая и садясь на скамью. – А что, братцы, к полудню-то, я чаю, будем в обители?..

Он сказал это так небрежно, что никто не придавал значения его словам.

– К полудню-то как успеть, – отозвался один из сторожей, – к вечеру-то и то дай бог!..

Разговор на этом оборвался.

Через несколько минут им пришлось вести княгиню и боярыню вниз. Бунко умышленно грубо два раза прикрикнул на них.

Когда Софья мельком взглянула на него, рязанец подал ей опять незаметный знак рукой.

Женщин усадили в каптану. Боковые занавески были плотно задернуты, и караульным – в том числе и Бунко – было приказано строго следить за тем, чтобы пленницы не сделали попытки выглянуть и подать по дороге кому-нибудь знак.

Волк был тут же.

Он успел в этот день сильно выслужиться перед новым государем, и тот перед отъездом поручил ему следить за всем в хвосте поезда.

– Коли что, сейчас скажи ко мне!.. – закончил князь Дмитрий, садясь на лошадь.

Волк, без шапки, держал государю стремя.

Поезд тронулся.

Проехали площадь, благополучно миновали ворота и через некоторое время двигались уже по тем самым улицам, по которым три дня назад проезжал великий князь.

У рогаток вышла было заминка. Сторожа не соглашались дать пропуск.

Когда князя Дмитрий и Иван подъехали к рогаткам, человек пять сторожей с фонарями в руках загородили им дорогу.

– Что за люди?.. Куда едете?.. – раздались голоса сторожей.

– Государь и великий князь московский на богомолье едет в обитель! – ответил за Дмитрия его стремянный, выезжая вперед. – Отворяй скорей, не видишь, что ли?.. – прибавил он и вытянул сторожа плетью по спине.

Ответ, конечно, поразил сторожей своей странностью.

– Ребята, великий-то князь не уехал разве третьего дня об утро, как мы на карауле были?.. – удивленно произнес один из них.

– Как не уехать! Уехал! – уверенно подхватили его товарищи. – Тут как бы, Семен, не вышло чего. Не ударить ли в било?

– А и то правда! – согласился Семен. – Государь-то великий уехал, – обратился он к стремянному. – А ты что, парень, путаешь?.. Дай-ка я погляжу на вас.

Сторож поднял свой фонарь, чтобы осветить лица всадников. Но фонарь в ту же минуту выпал из его рук. Стремянный ударил сверху кистенем в голову и положил караульщика на месте.

Остальные четверо не успели опомниться, как были сбиты с ног и крепко связаны.

Княжеские челядинцы сами подняли рогатки. Поезд выбрался за заставу.

Лошади пошли рысью. Князь Дмитрий хотел поскорее добраться до обители.

Нетерпеливый и горячий, он все еще не мог успокоиться относительно своей участи. Пока брат Василий не был в его руках – дело еще не было выиграно. И он ехал, волнуясь, время от времени перекидываясь словами с князем Иваном.

Можайский отвечал ему неохотно и коротко. На душе у князя Ивана становилось все тяжелее и тяжелее.

Он молчал и только смотрел, как Дмитрий хозяйничал во дворце Василия.

«Бойтся, что не удастся, пожалуй. Спешит», – с горечью и отвращением думал Можайский.

Молча смотрел он и на то, как обращался Дмитрий с теткой и невесткой.

Он не мог говорить, потому что было уже поздно и бесполезно. Вместе с боярами князь Иван только что поцеловал крест новому государю и великому князю московскому – что он мог теперь сказать?

Да и Дмитрий резко переменился в обращении.

Пока еще не вошли во дворец, пока Шемяка не знал, что все его враги захвачены, – он был очень ласков, даже заискивал перед братом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.